

Екатерина Коробова

ПОСА ПРИБУЖДЁНЫХ



абрикобукс

РУБЕЖ 3 СТИХИЙ

иллюстрации
Юлии Биленко

Тайная дверь (Абрикос)

Екатерина Коробова

**Рубеж Стихий. Книга 3.
Голоса пробужденных**

«Абрикобукс»

2025

Коробова Е. В.

Рубеж Стихий. Книга 3. Голоса пробужденных / Е. В. Коробова —
«Абрикобукс», 2025 — (Тайная дверь (Абрикос))

ISBN 978-5-6053217-3-6

Самый сложный путь – тот, что уводит все дальше и дальше от дома. И очень просто заблудиться, когда шагаешь в темноте, и слишком легко упасть, если вдруг некому вовремя подать тебе руку. Но, вопреки усталости, потерям и страху, герои продолжают идти. Мику и Рут в поисках истины предстоит отправиться к легендарной Чаше Леса, воочию увидеть, как древние сказания оборачиваются былью, и понять наконец, что связывает их двоих с Яха-Олой. Каю же с Дариной выпадет оказаться в Острых Хребтах, у величественного Высокого Храма, и обнаружить там удивительную узницу, которая и сама способна взять в страшный плен. Две немыслимо разные дороги разбегаются прочь. Но их роднит одно – решение сражаться за истину, которое оборвет паутину многовековой разрушительной лжи.

ISBN 978-5-6053217-3-6

© Коробова Е. В., 2025

© Абрикобукс, 2025

Содержание

Пролог	8
Часть 1	11
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	11
1010 год от сотворения Свода, 1-й день второго весеннего отрезка	16
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	24
1010 год от сотворения Свода, 2-й день второго весеннего отрезка	26
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	31
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	34
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	39
1010 год от сотворения Свода, 10-й день второго весеннего отрезка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Владимировна Коробова

Голоса пробужденных

Рубеж Стихий

Книга третья

© Е. В. Коробова, 2025

© Ю. С. Биленко, 2025

© ООО «Издательство «Абрикос», 2025



...К любому исследованию, пожалуй, стоит приступать, начиная с истоков изучаемых событий. Сейчас, зная, к каким последствиям это привело, невозможно поверить, что завязкой всей немыслимой истории стало появление Рут в Дубах. Точнее, если быть вкредливее, – решение генерала Рыся, которое он принял за несколько месяцев до заветного дня воссоединения Мика и Рут. Но все же то был пока лишь замысел, один только сделанный выбор – предать Аврума Тысячелетника, своего императора, и восстановить правильный ход вещей в Элементе. Искрой же, из которой разгорелся пожар, мне все-таки видится именно та секунда: Рут, совсем еще юная, растерянная и напуганная, переступает порог Дубов и знакомится со своим настоящим даллом.

Искра становится робко тлеющим огоньком – и вот уже Дворы озаряются светом истинного творения, случайно возникшего во время учебного сражения в руках Рут.

Холодный ветер грядущих перемен усиливается, но пламя от него не гаснет, а лишь разгорается. Рысь и Элеонора, родители Мика, схвачены. Главный цензор Куница арестовывает все новых и новых мятежников. Мик и Рут вынуждены бежать в Себерию, но прежде они встречают Тима, бывшего когда-то одним из пары истинных даллов, и узнают о многовековом обмане Тысячелетников.

К ветрам, раздувающим костер, примешивается новый Воздух – предвестник предстоящих пепелищ. Дарина оказывается в Водных тюрьмах. Ей уже известна тайна о себе и Кае, ставшем ее надзирателем. Узнав правду от Дарины, он окажется на страшном перепутье, выберет послушаться своего отца Баста и спасти жизни – не только своей истинной далле, но и Лите, девочке-заключенной, для которой должен был стать палачом. Императорский советник Бартен тем временем ведет свою игру, до поры тайную – но в итоге его роль в происходящем невозможно переоценить.

Огонь, в котором суждено сгореть старому миру, распаляется все больше и больше. В земле снегов и леса Мик и Рут решаются вести за собой войско в битве за Знание – ключ к воссоединению истинных даллов, но прежде Мику придется вырвать Рут из страшных лап медвежьей тройки.

Приближается кровопролитная война Элементы с Себерией, империю все больше охватывают мятежи, Стихия неумолимо ускользает, небо окрашено кроваво-красным заревом...

И вскоре под сводами древних ристалищ суждено загореться новому Пламени.

Из черновых записей Тайны, сделанных во время работы в книгохранилище

Зима и начало весны того рокового года – одна из самых трагичных и черных страниц описываемой истории.

Хотя Кай, Мик, Рут и Дарина наконец оказались вместе, в сравнительной безопасности под крылом Даи в Себерии, достичь столь необходимого согласия у них так и не получилось. Я порой задумываюсь, скольких бед удалось бы избежать, научись они уже тогда доверять друг другу и действовать заодно! Могла ли, в сущности, череда последующих несчастий, повлиявших на судьбы сразу двух стран, брать начало в глупых мальчишеских ссорах? Доверяя Кай остальным, расскажи о том, что Майя очнулась и пытается выманить его за пределы Рубежа, прислушайся Мик и постарайся действительно прийти на помощь, а не нападать – как сложилась бы история Элементы и Себерии?

Впрочем, теперь рассуждать об этом и строить догадки совершенно бессмысленно. А правда же была такова: началась война. Кай, запутавшись в своем обмане, сперва ослеп, а потом и вовсе невольно выдал Майе расположение мирных жителей. И, считай, оказался повинен в трагической поверженности Себерии и смерти тысяч людей. Его изгнали из побежденной страны, и Дарина отправилась следом – снова в Элементу, но на этот раз – к далеким Острым Хребтам и Высокому Храму. Там истинные даллы надеялись отыскать разгадку тайны настоящего, не переписанного Свода.

Мик же, сойдясь в поединке с Аврумом, проиграл свою битву – и Рут лишь чудом удалось забрать его у таинственной Пятой, взамен пообещав непременно освободить ее. К тому же, несмотря на хитроумный план добраться до Предела с помощью битв в ристалищах, столь желаемая цель так и не была достигнута. Бартен обманул их: выяснилось, что Знание в книгохранилище никогда и не укрывалось и Мик с Рут прилетели в столицу, чтобы советник смог выкрасть истинный текст Свода, написанный на забытом языке – и оттого кажущийся совершенно бесполезным. Так для них двоих, едва успевших оплакать свои потери, началась новая долгая дорога – в легендарную Чащу Леса, к единотворцам, которые, по преданию, еще помнили исин, а значит, могли найти след утерянной правды о том, как в действительности Тысячелетникам удалось прийти к власти.

Пути четырех истинных даллов, переплетаясь было, опять разбежались – и все же им суждено соединиться вновь, на пороге следующей войны и решающей битвы.

Из черновых записей Таины, сделанных во время работы в книгохранилище

Пролог

1007 год от сотворения Свода, 2- й день первого весеннего отрезка Себерия, Край Ветра

Рысь

Не стоило все-таки сюда прилетать.

Рысь знал: он сможет за себя постоять и в стане врага. Но тут было нечто иное. Обреченность? Стыд? Предвкушение утраты?

Он не понимал. Как и не понимал до конца, зачем оказался здесь – скрываясь, тайно, рискуя. Поймать предателя? Разведать силы противника?

Беседа немилосердно затянулась и закольцевалась уже не раз, чего Рысь не переносил в принципе: тратить силы на произнесенное однажды и проговаривать это вновь и вновь. Чтобы услышать те же самые доводы. Это сводило на нет даже самые ценные, нужные и осмысленные фразы.

А в ценности этих он к тому же очень сомневался.

За окном уже все было морозно-синим, и по углам просторной комнаты сгустились тени. Человека, сидящего напротив, он, впрочем, различал хорошо.

– Вы ведь были там. Видели, на что они способны. В тот день, когда не стало Лины Верт, первой истинной даллы, неужели вас не ужаснула сила их с Тимом Стихии – той, что они применили, пытаясь спастись? Вы ведь не встречали прежде такой мощи, верно? Разве это не доказательство?

– Видел, – согласился Рысь. – И не встречал прежде, да.

Он и представить не мог, что когда-нибудь будет обсуждать произошедшее хоть с одной живой душой. Что найдется в мире собеседник, способный объяснить ему случившееся.

– И вы не слепец и не дурак. Вы не могли не заметить, что происходит со Стихиями.

Рысь промолчал.

– И какой жестокой, несправедливой и разрушительной будет эта захватническая война.

– А вы знаете другие захватнические войны? – уголок рта Рыся чуть дрогнул. Он многое добыл для своей страны. И большую часть времени предпочитал не задумываться о цене.

– Я знаю, что существуют иные варианты, – бесстрастно ответил чтящий. – И рассказал вам, что мне известно.

– Я просто обязан убить вас прямо тут, не дожидаясь никаких судов. – Рысь уже хотел было встать, но все же остался сидеть напротив, вглядываясь в поблекшее лицо Эреста. Непомеренный груз тайн, Знания, долга и непростых решений рано состарил его. – Меня вообще не должно здесь быть.

– Я понимаю, – тихо прозвучало в ответ. – Но вы ведь тут. И я жив.

– Вы... Ты, – вдруг поправился Рысь, изменив себе. Какие уж тут условности, после всего, что было сегодня произнесено. – У тебя ведь нет детей?

– Для чтящих это недопустимо, – ответил Эрест, не сообщив Рысю на этот раз ничего нового.

– Ну не все же неукоснительно следуют правилам, да? Ты вот точно нет.

Ни один из них не улыбнулся.

Рысь вдруг понял, что замерзает. Прочная шерстяная одежда, крепкая зимняя обувь, жаркий огонь в очаге – а пальцы на руках и ногах уже просто свело холодом.

Пламени не место среди этих снегов.

– Он – мой единственный сын. И он очень юн.

– И на него при этом вся надежда. Вы ведь знаете...

– Я знаю, что будет очень жестоко с ним так поступить.

– А то, как тысячелетиями поступали с этой страной, – не жестоко? То, к чему мы катимся. То, что укрыто...

Укрыто. Мороз будто усилился, и Рысь потер ладони, пытаясь разогнать кровь. Он видел, *что* было укрыто. Он уже знал, какая участь, по мнению Эреста, ему уготована. И почти радовался обещанному при этом раскладе забвению.

Он видел войну, смерть, гной в зараженных грязных ранах, парализующий страх, запал молниеносных атак, за которыми следовала тяжелая горечь осознания содеянного. Видел фанатиков, одержимых, сумасшедших. Видел клятвопреступников, пытки и казни. Видел, как небрежным росчерком императорской руки на карте уничтожаются целые страны.

...Он не видел ничего страшнее того, что показал ему Эрест. Она была темнотой, страхом, гибелью, воплем, плачем, раскаянием, тленом, возмездием. Она не называет себя. Пленница. Пятая. На нее невозможно долго смотреть, а ему ведь не занимать выдержки, и видел он очень многое.

...И при этом он так невыносимо давно не видел Элеонору и Мика. Он вернется – а они вновь окажутся немного другими. Углубившаяся тоненькая морщинка между бровями жены. Сын, ставший еще выше и еще шире в плечах.

Если он согласится, то однажды не вернется никогда. И нити седины в убранных волосах Элеоноры, и Мик, сделавшийся совсем взрослым, мужчиной... Неужели Рысь не заслужил хотя бы просто увидеть все это? Хоть раз?

– То, что укрыто. Та, – поправился он. – Выкрасть ее было, возможно, самым опрометчивым решением за всю историю Элементы.

– Она не должна больше попасть им в руки. Тысячелетники пленили ее и обманули, и так началась многовековая ложь.

– От того, что ты повторяешь все снова и снова, лучше этот твой поступок не становится. Ладно, положим, ты прав и я мог бы помочь ее укрыть. Что сразу же превратит меня во врага того, кому я поклялся верно служить...

– Того, кто лишил твоей настоящей силы тебя и еще тысячи других. Того, кто разрушает свою землю и хочет уничтожить мою, – раздался глубокий и тихий женский голос. – Именно тебе под силу спасти их обоих. А больше никому. И неужели ты думаешь, что в том будущем, которое Аврум избрал для империи, твоего ребенка ждет счастливая жизнь?

Рысь обернулся. В дверях, ведущих в жилые комнаты, стояла невысокая женщина и, кажется, уже давно слушала их беседу. Должно быть, хозяйка этого дома.

– Меня зовут Дая, – представилась она. – И я клянусь позаботиться о твоём сыне, если ты позаботишься о моей Себерии. У наших стран общий враг, ты ведь теперь знаешь.

Его страна. Он клялся в верности прежде всего ей, а уж потом Авруму.

Рысь медленно сжал левую руку в кулак. Кисть начало сводить, но он продолжал стискивать пальцы крепче. Жить как прежде, в глубине души зная, что на самом деле совершил император. Что их всех ждет. Что Рысь мог препятствовать этому, но не стал. Быть соучастником огромной лжи. Сторонним наблюдателем, выбравшим на этом страшном распутье – жизнь. Предать Элементу.

Он так же медленно сжал правую руку, ощущая на себе выжидательный взгляд Даи и почти безучастный – Эреста. Вступить в бой, который ему лично предназначено проиграть.

Втянуть Мика против его воли в то, о чем он даже не подозревает. Предать его, Элеонору, Лику...

Спасти сотни, а может, и тысячи жизней. Выбрать долг. Элементу.

– Обещай, что и правда позаботишься о нем.

Часть 1

Ты ведь знаешь: ничего никогда не случается зря, у всего на свете своя цена, роль и суть. И если ты сейчас слушаешь эту сказку, значит, Яха-Оле это для чего-то да нужно.

А нам с тобой жизни не хватит постичь ее помыслы.

Так вот, слушай: из всех дочерей одна стала самой любимой, и ей преподнесли особый подарок. Любимая дочь являлась самой жизнью, и подарок оказался ей под стать: в нем тоже были жизнь, и мощь, и мудрость, и сила. И белый, как снега ее земли, мех. И не страшились они самой жуткой из существующих темниц и преград – Черты. Легко вызволили они свою хозяйку и помогли достичь этих краев и укрыться. И так они спасли любимую дочь и не предали ее. И верны ей до сих пор.

А мы верны любимейшей из дочерей, и поклялись беречь ее сон, и зовем ее Яха-Олой.

А вернейших из слуг ее, лучший из подарков Праматери, мы почитаем и по сей день.

И зовем зверозубами.

Сказка Теня, поведанная Лайму

1010 год от сотворения Свода, 10- й день второго весеннего отрезка Себерия, путь к Чаше Леса

Лайм

Он брел уже много дней и давно, кажется, примирился с мыслью, что новое утро может просто не наступить. Солнце – то бледное за белесым маревом облаков, то, наоборот, огромное, слепящее – светило все время в спину, но минуло уже, наверное, с десятков ночей с того момента, как он понял, что окончательно сбился с пути. Мечты найти единотворцев теперь казались одними лишь глупыми фантазиями, полуночным бредом, заставлявшим людей вскакивать во сне и идти сами не понимая куда. В очень далекой прошлой жизни Лайм умел исцелять и от этого недуга. Только вот себе он помочь не смог.

Зачем-то, из какого-то иступленного упрямства, Лайм продолжал разжигать огонь, добывать еду, отгонять хищников. Земля здесь была особенно послушной, трепетной, иногда ему казалось, что творения возникали еще до намерений, словно лес сам заботился и оберегал. Страх чащобной темноты давно исчез, и временами Лайму чудилось, что он почти дома, в безопасности, или давно уже сам превратился в дикого зверя, бесконечно плутающего спутанными тропами до тех пор, пока не наступит время упасть от старости.

Идти было трудно, по пути Лайму встречались непроходимые дебри, упавшие деревья, настоящие завалы. Лед на лесном озере застыл такой тонкий и прозрачный, что под ним стала видна огромная печальная рыбина, проплывавшая среди густых водорослей. Стоило Лайму опустить ногу, и во все стороны от нее по поверхности побежали трещины, так что пришлось долго брести в обход.

Руки и ноги все время болели, но Лайм продолжал упорно продираться вперед, словно одержимый. Он засыпал с наступлением темноты, представляя, что становится поросшим

мхом валуном, и пробуждался, не чувствуя ни усталости, ни отдыха, словно все его мысли и ощущения поросли морщинистой корой, сделались вязкой, раскисшей землей. Чтобы не сойти с ума, он принялся говорить вслух. С родителями, братом, друзьями. Извинялся перед Ликой за то, что ушел тогда в лес за травами для заболевших один, хотя должен был быть там, с ней. Призвав всю храбрость, обращался к Рут, с трудом подбирая слова и ненавидя себя за них. Его голос пугал птиц, и они взлетали с ближайших ветвей, растворяясь далеко в небе, делая одиночество еще беспросветнее, еще нескончаемее.

* * *

Лайм крепко зажмурил, а потом открыл глаза. Мальчик никуда не исчез.

Он выскочил из-за ближайшего дерева так неожиданно, что Лайм даже не успел испугаться или удивиться. Худенький, смуглый, глазастый – на ум сразу приходил выпавший из гнезда птенец.

– Как тебя зовут?

Мальчик непонимающе уставился на него.

– Ты здесь один? Тебе нужна помощь? – Лайм опустил руку в сумку и осторожно на ощупь перебирал тонкие пучки трав. От жара, при обморожении, от кашля – каждой всего по несколько веточек. Совсем немного, но что-то из этого может выручить.

Мальчик, кажется, вновь не понял вопроса. Он резко, как оцетинившийся зверек, отскочил назад, не спуская с Лайма настороженного сурового взгляда. Напуганным или потерявшимся он при этом совсем не выглядел, разве что одет был слишком легко. Лайм бы давно замерз, окажись на нем только шерстяные брюки с рубашкой и жилет.

– Оружие. Нет, – Лайм протянул вперед раскрытые ладони, с трудом вспоминая знакомые себерийские выражения. Казалось, что он и родной язык уже мог успеть позабыть за эти бесконечные дни один на один с лесом.

Во взгляде мальчика загорелось любопытство. Он заговорил быстро-быстро, проглатывая фразы и размахивая руками. Лайм пытался уловить в этой речи хоть что-то, но понял только одно слово, отдаленно напоминавшее «труд» по-себерийски.

– Земля! Ты! – мальчик вновь приблизился и ткнул пальцем в Лайма.

Лайм секунду подумал и кивнул.

Единственным фактом, не дающим ему смириться с мыслью, будто единотворцы – герои одних только себерийских сказок, было то, что Стихия не иссякала в нем. Лика давно мертва, Рут – бесконечно далеко, но Земля не исчезала. Иногда казалось, что творения становились лишь сильнее: позавчера Лайм наткнулся на филина с подбитым крылом и исцелил его буквально за час, хотя раньше на это ушел бы не один день.

Лайм поднял руку и протянул ее к ветке, неосторожно сломанной мальчиком во время прыжка. Мгновение – и та, окруженная зеленоватым свечением, срослась, еще одно – и на ней появилась нежная молодая листва.

Мальчик даже бровью не повел.

– Нет, – он решительно замотал головой. – Средний. Другое.

Лайм не сразу сообразил, что средними себерийцы называли мастеров. Мальчик тем временем отвернулся и что-то зашептал в темноту у себя за спиной. Потом замолчал и вновь повернулся к Лайму. Лицо его при этом оставалось спокойным, даже как будто немного радостным.

Несколько секунд Лайму казалось, что совсем ничего не происходит. А потом за спиной раздался сухой треск.

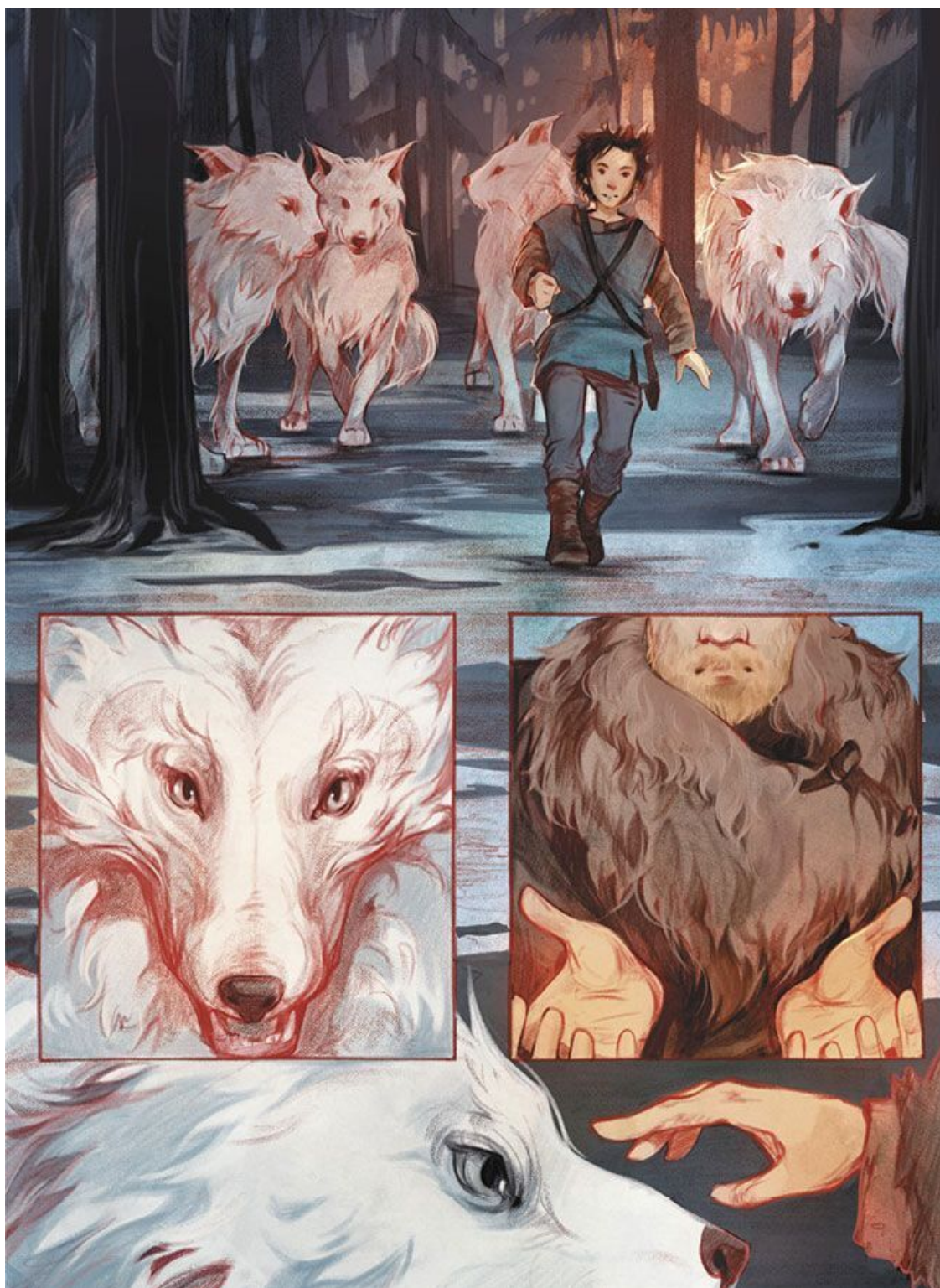
...Они не боялись, не таились, даже, на первый взгляд, не готовились нападать. Только у одного – ближайшего – белая шерсть на загривке чуть вздыбилась, он припал на передние

лапы и оскалился. Зубы были большие, желтые, гладкие. До Лайма донесся тяжелый запах из открытой пасти хищника.

Зверозубы застыли. Лайм тоже так и стоял вполоборота, не решаясь пошевелиться. За эти дни вдали десятки раз слышался тоскливый вой, но творения берегли Лайма от встречи. Он попробовал поднять руку, и молодой тонконогий зверозуб – нескладный, жилистый, от кончика носа до тощего хвоста будто состоящий из чистой злобы – сделал шаг вперед. И еще один. Лайм пересчитал псов. Семь пар черных глаз, пристально смотрящих на него. Дыхание перехватило.

В детстве Лайм и Рут просто наводнили дом всей возможной живностью: блохастые худые котята, неуклюжие щенки, всюду следующие за ними по пятам, птицы с переломанными лапами и подбитыми крыльями, мыши, крысы и даже один крот. А еще, к огромному ужасу мамы, ящерицы, лягушки, неядовитые садовые змеи и до краев полная ваза жуков (маленькая Рут переживала, что те замерзнут зимой). Вдвоем они исцеляли этих питомцев – не всегда, правда, удачно; кормили, холили, брали в свои игры. Кого-то, вылечив, отпускали на волю, с другими соседями мама в итоге смирялась и позволяла оставить: огромный рыжий пес жил у них и в ту пору, когда Рут уже уехала в Дубы к Мику. Во дворе круглый год стояли кормушки для птиц, и во всем Пределе, наверное, не нашлось бы дворняги, которую Лайм хоть раз в жизни не покормил и не потрепал за ухом. Он привык считаться им всем другом.

И сейчас Лайм понимал, что не станет защищаться или нападать. Просто не сможет. И одного зверозуба хватило бы полностью растерзать Лайма, и меньше всего он хотел, чтобы последним делом в его жизни были жестокость и кровопролитие. Он знал: и без мысленной связи они почувствуют его страх и злобу, и это никуда не приведет. Вместо атаки он осторожно – от волнения чуть кружилась голова – протянул вперед раскрытые ладони, как делал это несколько минут назад перед мальчиком. Жест, понятный, может, каждому разумному существу. Я пришел с миром. Я не желаю тебе зла.



Оскалившийся зверозуб поджал хвост и низко, утробно прорычал. Лайм вздохнул, набрав в грудь побольше воздуха. И в его ладонях вспыхнул зеленый свет.

Лайм обычно применял это творение, когда исцелял раненых животных и сидел у постели болевших детей. Оно не устраняло боли и жара и не усыпляло, но удивительным образом могло успокоить и примирить с происходившим. Словно сама Земля начинала шептать слова утешения и любви, и весь мир вокруг становился родным домом, местом, где не бывает печально и страшно.

Лайм прикрыл глаза, продолжая творить. Он чувствовал, как ему внемлют спящие под снегом травы, как где-то далеко проснулся олененок и опустил голову на теплый материнский бок, как заворочался в своей норке между корней крошечный грызун. И, не размыкая век, Лайм понял совершенно ясно: ближайший зверозуб перестал скалиться и встал ровно, прислушиваясь к Стихии чужака.

Не произнося ни слова, Лайм говорил на знакомом им языке. Он и сам не заметил, как в его творение вплелось все, о чем он беседовал с собой столько дней: любовь и страх, бесконечная темнота тюремных камер, горечь утраты и ужас большого огня, обида и надежда, которая одна только, может, и не давала опуститься на снег и наконец остановиться.

Оказалось, у искренности не существует наречий. Что-то влажное и шершавое вдруг коснулось щеки Лайма. Он открыл глаза и увидел огромную мохнатую морду с высунутым языком. Вся злоба, витавшая в воздухе, испарилась, будто и не было ее.

За спиной раздался звонкий смех. Мальчик вновь заговорил что-то очень быстро, но Лайму почудилось, что он смог различить «другие», «борьба» и «смерть».

Он осторожно протянул руку и едва дотронулся до белоснежного меха. Зверозуб тихо заскулил, но не отстранился.

– Иногда не сражаться – уже победа, да, дружище? – Лайм погладил зверя по мягкой и чуть влажной шерсти.

Четыре вновь сберегли ему жизнь, значит, зачем-то Лайм им еще нужен.

1010 год от сотворения Свода, 1- й день второго весеннего отрезка Элемента, Высокий Храм

Дарина

– Не сомневайтесь, уж я найду способ донести до Аврума, какие вещи тут на самом деле творились. А может, и до сих пор творятся? – Бартен улыбался почти ласково, словно беседовал со старинным знакомым о пустяках. – А что, если эти письма уже на пути к нашему светлейшему императору и, убей ты меня, некому будет все это остановить? Всего одно письмо, но кому его отправить и когда...

Дарина поежилась, сама не понимая – от слов Бартена или от холода. Кажется, в этих каменных стенах вообще никогда не было ни тепла, ни света. Она надеялась, что в помещениях для маленьких учеников, куда унесли спящую Литу, окажется уютнее.

Коршун, верховный чтящий Высокого Храма, шумно вдохнул. Впалые щеки побагровели.

– Что тебе здесь нужно? Как, по-твоему, я должен поступить? – от ярости его голос сделался шелестяще-сухим. Коршун тяжело облокотился на письменный стол, за которым сидел. – Ты смеешь угрожать мне в моем же Храме.

Дарина невольно отступила на шаг ближе к Каю, которого будто совсем не трогало все происходящее. Бартен же продолжал взирать на обстановку с насмешливой ленцой. Он совсем не выглядел усталым, хотя больше суток провел за штурвалом воздушного судна.

Самой Дарине больше всего хотелось упасть и лежать – да хоть прямо здесь. Пересечь Рубеж в горах, еще и в бурю, оказалось совсем непросто. От одних воспоминаний о жуткой качке ей снова на миг почудилось, будто пол под ней наклонился и вот-вот ускользнет из-под ног, а к горлу подкатила тошнота.

Им троим никто так и не предложил сесть.

– О, мне столько нужно! – Бартен широко развел руки, словно пытаясь обозначить величину необходимого. Его определенно было слишком много для этого маленького полупустого кабинета. – Но от вас в этом всем обнаружится мало толку, не обольщайтесь. Мне и моим спутникам, – он даже не повернул головы в сторону Кая и Дарины, – понадобится укрытие. Не знаю, надолго ли; у нас здесь дело, в которое я не намерен никого посвящать. Ребенка, которого мы с собой привезли, можете взять на обучение.

– Мы не обучаем девочек, – отрезал Коршун. – И делам твоим тут никто не рад.

– Придумаете что-нибудь, я уверен, – Бартен пожал плечами. – И уж поверьте мне, это необычная девочка. А еще ему, – он кивнул в сторону Кая, – требуется помощь ваших целителей.

Коршун не мигая смотрел на них. От этого взгляда Дарине захотелось вовсе спрятаться Каю за спину, но Бартен по-прежнему улыбался.

– Так что? Возьмете на обучение мою милейшую подопечную с ее несомненно выдающимися способностями? И поможете моим добрым знакомым по старой дружбе?

– В этом Храме никогда никому не откажут в просьбе об исцелении, – прошипел Коршун. И тут же громко крикнул куда-то им за спину, в сторону двери: – Иво!

Дверь распахнулась почти мгновенно, словно за ней все это время выжидали. Дарина обернулась. В проеме стоял очень худой темноволосый чтящий, по виду их с Каем ровесник.

– Иво, накорми наших гостей ужином и подыщи им комнаты, – Коршун кинул на них троих последний презрительный взгляд. – С остальным разберемся завтра.

При мысли об отдыхе и ужине Дарина немного воспрянула духом. Наконец-то их ждут горячая еда и нормальные постели, пусть бы даже и в таких же промерзших темных комнатах, как эта.

Ночь была сырой и туманной, Дарина, крепко державшая за руку Кая, едва поспевала за Иво. Ей то и дело чудилось, что сейчас узкая спина чтящего окончательно растает в окружавшем холодном мареве, и им придется вечно блуждать среди незнакомых угрюмых строений, будто выросших из самой толщи горы. Над головой непрестанно ощущалась нависшая громада Храма.

Дарина думала, что Высокий Храм должен сплошь состоять из арок, окон, простора и света, быть напитанным Стихией до острия самого длинного из многочисленных шпилей. Таким он ей запомнился на одной из картинок в книжке, увиденной в далеком детстве: здание на фоне горных вершин, устремленное ввысь, словно кружевное.

Сам Храм, может, таким и оказался: Стрела приземлилась в сгущавшихся сумерках, и издали он выглядел внушительным нагромождением балок и колонн, тонувших в опустившемся тумане. Разглядеть что-то еще не получилось. Но вот остальные здания вокруг – жилища чтящих и их учеников, хозяйственные подсобки, воздушные ангары – были сплошь приземистыми, толстостенными каменными строениями с маленькими окнами. Сложно поверить, что и они имели отношение к Высокому Храму.

– Подождите здесь, – Иво остановился у одного из домов. – Я посмотрю, что осталось на ужин.

– При свете дня эти места гораздо приятнее, – сказал Бартен, когда дверь за Иво захлопнулась.

– Бывали тут раньше? – спросил Кай, молчавший до этого весь вечер. – Не думал, что ближайший круг Аврума любит наведываться в такую даль.

– Что не думал – это видно, – Бартен казался действительно задетым, и Дарина удивилась. – К счастью, меня многое отличает от, как ты изволил выразиться, ближайшего круга Аврума. Я обучался тут в юности, как и любой другой хранитель Знания за несколько последних столетий.

– Так мы поэтому тут? – Кай, похоже, как и сама Дарина, уже потихоньку учился не замечать всех язвительных нападок и ерничаний Бартена.

– И да и нет, – только и успел ответить тот.

Иво вернулся с большой корзиной в руках.

– Гостевые дома давно пустуют, – рассуждая сам с собой, он указывал куда-то в самый туман. – Они сильно выстуженные, конечно. Но маленький будет проще согреть... Да, наверное, проще. Пойдемте.

Здание, куда их привел Иво, и правда оказалось совсем крошечным. Всего две спальни-клетушки, по паре кроватей в каждой, и маленькая общая комната, в которой едва умещались очаг и стол со стульями. Первым делом Дарина зажгла везде огонь.

– Вот, – Иво опустил ношу на стол и вновь заговорил как будто сам с собой: – Поздно уже очень. Утро ближе, чем вечер, а надо еще поспать. До завтра?

– До завтра, – Бартен едва ли не силой выставил его за дверь и тут же сказал: – Блаженный какой-то. Ему бы с кавитэ на площадях плясать, а не в Высоком Храме обучаться.

– А вам бы хоть пять минут не говорить про других гадости.

Дарина успела заглянуть в корзину и теперь раскладывала на выщербленном деревянном блюде остывшее мясо, сыр, свежий хлеб и какие-то незнакомые ей соленья. Стоило труда не накинуться на еду – руками, прямо стоя.

– И не подумаю, – Бартен утруждал себя вопросами приличий куда меньше и уже разламывал пополам большую булку. – И зачем бы?

Дарина вздохнула, набирая еду в тарелку для Кая.

– Действительно.

* * *

Дарина была уверена, что уснет в ту же секунду, как голова коснется подушки, но сон почему-то совсем не шел. Стоило прикрыть глаза, и начинало казаться, что низкий потолок вот-вот обрушится прямо на грудь, а холодные каменные стены превратятся в толщу темной соленой воды. Огонь не успел за такое короткое время обогреть комнату, и слежавшиеся, отсыревшие покрывала затхло пахли плесенью. Дарина пообещала себе завтра же хорошенько их просушить.

«Не спишь? Показалось или правда боишься чего-то?» – от голоса Кая в голове Дарине сразу же стало чуть спокойнее. После побега из Себерии он почти все время молчал. И Дарина втайне даже иногда радовалась этому: порой ее охватывали такие обида и злость на произошедшее, что очень сложно было бы сдержаться и не наговорить грубостей.

«Не могу уснуть. Будто снова в Водных тюрьмах очутилась».

«Брось, кормят там похуже, и кроватей таких нет, – в словах далла звучала улыбка. – Тут безопасно, Дар. Ну, или мы, во всяком случае, сможем за себя постоять».

«Как думаешь, Бартен не врал Коршуну в своих угрозах?»

«Да какая разница, если Коршун поверил?»

Дарина повернулась на другой бок и зажмурилась. После долгих часов в неудобных креслах Стрелы ныли все мышцы.

«Нам тут не рады».

«Дар, – Кай больше не улыбался. Впервые за последние дни они говорили так долго. – Мы с Бартемом преступники, которых разыскивают сразу в двух граничащих странах. Ты – беглая заключенная, приговоренная к казни. Лите лет всего ничего, и она уже дочь политических осужденных, которую давно должны были убить. И это я даже в расчет не беру всю историю про истинных даллов и Знание. Серьезно считаешь, что нам вообще хоть где-то в этом мире будут рады? Меня вот и в лучшие времена даже в родном доме не слишком-то тепло встречали».

«Ну, им-то мы ничего плохого не сделали, – Дарина сама понимала, как беспомощно это прозвучало. – И тебе действительно нужно лечение».

«Ты меня поражаешь, – Кай усмехнулся. Дарина живо представила, как в эту секунду он приподнялся на локте. Их разделяла всего только каменная стена. – Правда. В Водных тюрьмах ты оправдывала меня и была уверена, что добьешься помощи. Потом считала, что себерийцы и мятежники в очередь выстроятся, чтобы прийти мне на выручку. Помнится, даже для Майи у тебя нашлось какое-то оправдание. Для Мика. Снова для меня. Теперь вот... Как ты вообще до своих лет дожила с такой наивностью?»

От обиды Дарине сперва не хотелось ничего отвечать. Кай тоже молчал.

«Тебе это кажется смешным?» – наконец спросила она.

«Нет, Дар, прости. Совсем нет. Так-то мы всех всегда мерим своей мерой. Я сторонюсь и остерегаюсь всего, потому что очень хорошо помню, в каких делах участвовал. Мик нападает первым и всегда готов к удару, и не удивлюсь, если Бартену повсюду мерещится заговор. А ты вот бросаешься всем помогать сломя голову, так что и от остальных ждешь того же. Только мир так не работает. Страшно просто за тебя».

Дарине удивительно было слышать и долгие рассуждения, и ту внезапную искренность, которой они закончились.

«С тобой же сработало. Так я, кстати, до своих лет и дожила».

«Сомнительное подтверждение. Здесь ты тоже из-за меня оказалась».

Дарина зажмурилась сильнее. Перед глазами появились слабые искры. Неужели мир Кая почти всегда был таким?

«Это было мое решение. – И тут же, не давая Каю возможности что-то возразить, она быстро добавила: – Как думаешь, они правда тебе помогут?»

«Не знаю. Не хочу лишний раз разочаровываться».

Дарина вздохнула.

«Тебе бы немного наивности точно не повредило».

«Ну, на то мы и даллы, да? Спи. От Водных тюрем тут один только я, но, клянусь Четырьмя, это не опасно».

* * *

Сон оборвался резко, нахлынувшая тревога заставила сразу же распахнуть глаза. За ночь огонь погас, и в комнате вновь было сыро и холодно. Дарине казалось, что она вовсе не спала, только опустила веки на мгновение, но в маленьком окне густой темный туман уже сменился квадратом синего неба. В голове все перепуталось, в пересохшем рту стояла горечь. Вчера Стрела наконец долетела сюда; кажется, Бартен угрожал Коршуну, тот в итоге согласился их приютить и...

Дарина вскочила на ноги так резко, что чуть не ударилась головой о низкий свод потолка. Лита! Не верилось, что прошлым вечером они так беспечно отдали ее в дом к другим детям. Пока Дарина второпях застегивала одежду, путаясь в пуговицах, воображение рисовало жуткие картины: держащиеся за головы чтящие и дрожащие от криков стены Высокого Храма.

В общей комнате уже завтракали Кай с Бартемом, меланхолично размазывающим по хлебу мягкий сыр.

– Проснулась? – спросил он. – Я как раз говорил Каю, что на свои имена вам тут, конечно же, нельзя отзывать. И творить в полную силу, само собой. Хочешь быть Эрикой или Марией?

– Хочу найти Литу. – Дарина покачала головой в ответ на протянутую тарелку. Есть совсем не хотелось, она пыталась поскорее управиться с взлохмаченными волосами. – Она наверняка уже проснулась и могу себе представить что устроила.

– Устроила бы – они знают, где тебя искать, успокойся. – Бартен осторожно раскладывал засахаренные ягоды поверх сыра, как будто это было самым важным занятием на свете. – Сядь, поешь. День впереди длинный. Ягод, правда, не осталось, – с притворным сочувствием добавил он.

– Не хочу. – Дарине вспомнились вчерашние слова Кая. Вот уж кто точно чудом дожил до своих лет и не оказался никем убит, так это Бартен. – Я пойду разыщу Литу. Кай, ты со мной?

Кай, который, судя по понурому, растрепанному виду, тоже не слишком хорошо спал, молча кивнул.

– Не наврите на неприятности, – лениво напутствовал Бартен.

Вчера он оказался прав, утверждая, что при свете дня здесь все выглядит совсем по-другому. Даже каменные дома среди тающих сугробов теперь представлялись не такими угрюмыми и неказистыми. Нагретый воздух пах свежестью и приближавшимся теплом. Высокий Храм сквозь огромные стрельчатые окна пронзали солнечные лучи, он уже совсем не был похож на нависшую над поселением темную скалу. А еще смотрелся одновременно и меньше, чем запомнился Дарине ночью, и значительно прекраснее. Он весь устремлялся куда-то ввысь, тонкий и изящный. Дарине подумалось про взмах птичьего крыла.

– Ох! – она остановилась на секунду, чтобы полюбоваться видом Храма, словно парившего в воздухе. – Пойдем скорее. Литу стоит разыскать хотя бы затем, чтобы и ты это увидел.

Вокруг них сновали занятые своими делами чтящие, но до Дарины и Кая никому не было дела. Окружающих не смущал ни вид заношенной себерийской одежды, ни странная неловкая походка Кая. Дарина решила, что тут, наверное, и не такие путники встречались, а у чтящих хватает своих забот. Идеальное место, чтобы укрыться, вот только – что дальше?

Дарина не осмеливалась заговорить с кем-то, опасаясь, что с непривычки выдаст себя. Они с Каем брели по единственной дороге между домами, пытаясь не замочить ноги в лужах. Тут и там сквозь тяжелый мокрый снег проглядывали голые стебли жесткой травы.

Дарина уже готова была повернуть обратно, когда дверь одного из зданий отворилась и оттуда врассыпную выбежало с пару десятков разновозрастных детей в форменных черных рубашках чтящих. У Дарины почти заложило уши из-за выкриков и громкого смеха, и она едва успела оттащить Кая в сторону от летевшего прямо в лоб снежка. Перед глазами всплыл день, когда они покидали Край Ветра.

– Что такое? – Кай взволнованно прислушивался к происходящему.

– Просто дети, – Дарина покачала головой, отгоняя прочь пугавшие воспоминания. – Идем. Лита, должно быть, там.

Из дома как раз выходила невысокая, крепко сбитая женщина. За руку она держала Литу.

– Тишина! – Дарина едва не подпрыгнула на месте от того, как громко и властно это было сказано. С трудом верилось, что обладательница голоса в действительности такого маленького роста. – Во имя Четырех, успокойтесь немедленно!

Дети притихли. Дарина и сама сейчас бы не решилась хоть звук издать.

– Будущие служители Стихии, а ведете себя как толпа разгулявшихся берущих на городской ярмарке! – женщина смотрела на присмиривших подопечных. Голос ее резко переменялся: – Да, милая?

Лита тянула ее за руку, указывая на Дарину и Кая. Наставница прищурилась и зашагала в их сторону. Дарине под этим взглядом вдруг захотелось развернуться и бежать, но она продолжала стоять, расправив плечи.

Лита, вопреки всем страхам Дарины, казалась спокойной и даже довольной. Она отпустила руку наставницы и, улыбаясь, подбежала к ним.

– Так это с вами Лита вчера прилетела? – женщина продолжала цепко оглядывать их. – Я – Кора, присматриваю за будущими чтящими и обучаю их хитростям мысленной связи. Ваша племянница на редкость талантливая девочка.

Лита, поняв, что говорят о ней, разулыбалась еще шире. Дарина глазам своим не верила.

– Да. – В голове все путалось. – Мы прилетели вчера, я Мария, а это... Тим. С Литой... – Дарина не знала, как подобрать слова. – С Литой не возникло неприятностей?

– А должны были возникнуть? – Кора улыбнулась. Улыбка у нее была просто чудесной – широкой, искренней, светлой.

– Порой с ней и целой армии не управиться, – ответил Кай.

Дарина сдавленно хмыкнула.

– Ну, меня-то в этой армии не было, правда? – Кора положила ладонь Лите на голову. Чем-то наставница неуловимо напоминала Даю, хотя внешне совершенно на нее не походила. – Мы чудесно поладили. Ей нужна твердая рука. И опытный мастер по связи, конечно. Лите и самой очень непросто с собой, вы же ведь понимаете? – Она перевела взгляд на Кая. – Знала я одного Тима... Много лет назад. Это твоим зрением Лита была?

Кай кивнул. Дарина и сама не знала, почему первым у нее в голове всплыло именно это имя. Стоило обговорить все заранее.

Кора вдруг подошла и взяла Кая за подбородок. Он вздрогнул и поморщился.

– Так я и думала. Потерпи немного, знаю, неприятно, но сейчас пройдет. – Она опустила руки. – Глаза у тебя в порядке, повредить пытались рассудок. Не мое, конечно, это дело, но вовремя ты ноги унес, должен был остаться в итоге хуже тряпичной куклы: и не жизнь, и не

смерть... Тебя ведь целители смотрели, да? – Кора не стала дожидаться ответа и тут же продолжила: – А должны были мастера связи, и из тех, что посильнее. Лите тяжело все время помогать тебе видеть, да и неправильно это. Найди меня после ужина, хорошо? Посмотрю, что можно сделать.

Над головой Дарины пролетел еще один снежок. Во взгляде Кору заплескали опасные искры.

– Мне пора. За Литу не переживайте. – Она улыбнулась, но изменившийся тон не предвещал ее воспитанникам ничего хорошего: – Так, кто это сделал?

– Пожалуйста, еще секунду, – сказала Дарина, лихорадочно соображая.

Если Кора видела все воспоминания Литы, то скрывать от нее что-то просто бесполезно, как бы жутко это ни звучало. Стоило хотя бы попробовать попросить помощи, что бы там Кай ни говорил по поводу наивности таких помыслов.

– Можно... – Дарина заглянула в глаза Коре, стараясь вложить во взгляд свою мольбу: – Можно для всех остальных Лита станет называться вашей внучатой племянницей? Если... – Даже думать о таком было страшно. – Если вдруг здесь окажутся чужаки, недобрые люди... А они могут оказаться. Чтобы единственная девочка в месте, где их не берут на обучение, не привлекала столько внимания. И считалась живущей под вашей опекой.

Даже если Кора сейчас откажет – Дарина хотя бы попыталась немного обезопасить Литу. Ей-то уж точно проще затеряться, чем Каю с Дариной.

Кора сильно нахмурилась и несколько невыносимо долгих мгновений молчала. Дарина уже успела увериться, что в лучшем случае услышит отказ, а то и накличет на себя беду, когда наставница наконец коротко и уверенно кивнула, так ничего и не сказав.

Может, не стоило вот так подчиняться минутному порыву и раскрываться перед незнакомым человеком? По недовольному лицу Кая явно читалось, что именно об этом он и думал. Ну, что сделано, то сделано.

Дарина быстро опустилась на колени перед Литой. На сердце все еще было беспокойно.

«Все хорошо? Тебя не обижают?» – мысленно спросила она, проведя рукой по ее аккуратно заплетенным косам. Стыдно признаться, но впервые за много месяцев Лита выглядела такой спокойной и опрятной.

«Почему ты Мария, а Кай – Тим?»

«Это... Это такая игра. Поможешь нам?»

Лита очень серьезно кивнула.

– Нам правда пора, – Кора взяла ее за руку. – После ужина у нас свободные часы, можешь навещать ее хоть каждый день. А сейчас завтрак.

– Завтрак! – громко выкрикнул один из будущих чтящих, веснушчатый и вихрастый. – Еда!

Кора вздохнула.

– Не знаю, что труднее – прокормить вас или обучить хоть чему-то путному.

Под грозные прикрикивания и наставления Кору ученики направились в сторону дома, из которого Иво вчера вынес корзину с ужином.

Кай и Дарина остались стоять на месте.

– Лита так и не показала тебе Высокий Храм, – Дарина опустила плечи. Все то время, пока они разговаривали с Корой, она держала спину прямо.

– Ну, мы здесь вряд ли на один день, – Кай казался совсем подавленным. – Вернемся к Бартену?

– Давай.

Они медленно побрели к дому, в котором остановились. После свежего утреннего воздуха совсем не хотелось обратно в сырость и полумрак тесных комнат.

– Мне кажется, Кора знала, о чем говорила, – Дарина с наслаждением подставила лицо солнечным лучам. – Она сможет тебе помочь.

– Это Майя, – опустив голову, Кай безвольно шагал следом.

– Что?

– Это не тройка, теперь точно знаю. Именно Майя со мной так поступила, – голос Кая звучал надломленно. – Тройка бы убила, и все. А она... ну, мстила, наверное, за мой уход? Хотела сделать так, чтобы и я оказался точно таким же, какой была она после яда. Уверен, способность мыслить Майя бы мне при этом оставила. Хуже смерти, очень на нее похоже.

Дарина вздрогнула.

– Ну ты же не можешь знать наверняка...

– Дар, не нужно, – оборвал ее Кай. – Правда.

* * *

Когда они вернулись, Бартен все еще сидел на прежнем месте. Он сдвинул все тарелки на край стола и разложил перед собой аквакарточки свитка, вынесенного Миком и Рут из книгохранилища.

Теперь Дарина знала, что карточки сделали с позволения Мика на старенький аквааппарат Кая. Орион помог с этим, но что делать дальше, было совершенно непонятно.

Бартен даже не повернул головы в их сторону. Он раз за разом водил пальцем по строкам, бормотал себе под нос и что-то выписывал на лежавший рядом клочок бумаги.

Дарина справедливо рассудила, что им с Каем от завтрака пользы окажется больше. Места за столом почти не осталось, но Бартен и не думал подвинуться. Под его ворчание и вздохи Дарина отвоевала немного пространства.

Кай едва притронулся к еде.

– Считаете, там про Знание? – Дарина кивнула на записи Бартена. Она тоже пыталась разобрать эти аквакарточки, еще в Стреле, но ни один символ даже отдаленно не выглядел знакомым.

Бартен раздраженно посмотрел на нее.

– Уверен, что нет. Я уже говорил, могу еще раз повторить: подмена творцов не самая большая беда в этой стране. Свод был переписан, в этом нет сомнений. Если пойдем зачем – выясним, может, что с этим делать.

– Здесь кто-нибудь знает исин? – Кай задумчиво катал пальцами крошки по столу.

– Да, а еще говорит со Стихиями, создает армию из истинных даллов и на самом деле давно уже сверг Аврума и отстроил Себерию заново! Праматерь, нет, конечно же! – Бартен смотрел на них почти с сочувствием. – Честно, я иногда поражаюсь, как вы не то что до конца войны дожили, а не самоубились, едва взяв в руки по огнестреле.

«Мы все еще можем уничтожить его и бежать. Ты же помнишь, где осталась Стрела?» – Кай вроде шутил, но лицо его оставалось бесстрастным.

Дарина подумала о крошечной, затерянной в горах Ране в Рубеже, которую даже сам Бартен, знавший о ней, с таким огромным трудом отыскал. Пролетая, они видели обломки кораблей, которым повезло меньше.

Нет, самим им отсюда не выбраться.

«Больно много мороки», – она улыбнулась.

На бесконечных ссорах далеко не уехать.

– Расскажите про Знание.

Дарина давно хотела об этом попросить, и разговор срочно требовалось повернуть в другое русло. Чтобы занять себя чем-то, она начала аккуратно складывать посуду обратно в корзину.

– Что именно тебе интересно? – Бартен уже немного успокоился. – Я не могу объяснить всего, и дело не только в вашей безопасности.

– Я не понимаю, как удалось выкрасть часть, но при этом ею уже нельзя пользоваться. Нельзя же? – Дарина пыталась собрать в голове обрывочные сведения.

Бартен задумался.

– Мне кажется, правильнее всего сравнить его с неким родником. Ты можешь набрать в чашу воды и выпить ее. В большей чаше будет еще больше воды. Но без источника она все равно неизбежно иссякнет. Знание находится в некоем предмете, ты впитываешь часть – и волен распоряжаться ею. Но потом необходимо вновь припасть к источнику, если хочешь продолжать.

– И Тесей набрал такую чашу? – спросил Кай.

– Точно, да. И Эрест потратил ее на вас, – по лицу Бартена читалось, что именно он думал об этом решении. – Ну, то есть, справедливости ради, от него этот выбор не слишком зависел. Его Знания не хватило бы, чтобы вновь соединить двух младенцев, большая часть ушла на Вертов. А вы оказались достаточно близко друг к другу. И достаточно сильны. Как и Рут с Миком.

– Повезло так повезло, – Кай резко дернул рукой, и крошки рассыпались по полу.

– Ой, перестань, – Бартен поморщился. – Если ты считаешь, что мне доставляет огромное удовольствие жевать черствый хлеб на краю света в вашей компании, то ничего подобного. Повзрослей и прими то, что выбора все равно нет, уж в такие времена посчастливилось нам всем жить.

Дарине вспомнился день, когда Трой впервые рассказал ей про истинных даллов и Кая. Выражался он, конечно, куда мягче, но посыл был тот же, что в словах Бартена. Далл сидел рядом, угрюмый, насупившийся и пристыженный. С трудом верилось, что когда-то она относилась к нему как к врагу.

– Ладно, – Дарина провела ладонью, и порыв воздуха поднял с пола рассыпанные крошки. – Это мы уже поняли. Что делать дальше?

– Я попытаюсь разведать кое-что у Коршуна, вы же попробуйте не найти себе очередных приключений, – Бартен разглядывал строчку, написанную мельче, чем остальные. – Если нечем заняться, можете сходить поискать что-нибудь про Свод и исин в местном книгохранилище, помнится, оно раньше было открыто для всех. Вряд ли, конечно, что-то отыщется, но там хоть бед, может, не натворите. Не натворите же?

***1010 год от сотворения Свода, 10-
й день второго весеннего отрезка
Себерия, путь к Чаше Леса***

Мик

Впереди виднелась лишь темнота.

Мик не помнил, откуда она взялась. Снег ведь искрился белым, небо в прорехах ветвей сияло синим, и солнце, слепящее, яркое, оно отражалось... Солнце. Когда же они в последний раз видели солнце?

Он не знал, как они очутились тут, как долго пробыли и – самое худшее – что предшествовало этому.

Их было четверо, включая Мика. Двое младших, *не-людей*, совсем обезумели: были, бешовались, неслись куда-то, Мик все время чувствовал их страх, но не знал, как помочь. Ему и самому делалось страшно.

Еще одна теперь все время спала, и Мик порой не понимал, чьи видит сны – ее или свои. Мику иногда казалось, что он помнит ее смех, ее голос, ее покрытые шрамами ладони, и в такие секунды он безумно тосковал по всему этому, почти плакал от невыразимого желания вспомнить хотя бы имя, чтобы суметь позвать ее. Но один сон сменялся другим, и вновь оставались одни лишь темнота и холод.

Иногда Мику чудилось пробуждение, и он сразу же торопился разжечь огонь, чтобы обогреть себя и остальных. Рыжее пламя дрожало на ветру, в него летели хлопья слипшегося снега, и за секунду до того, как оно должно было погаснуть, Мик всякий раз открывал глаза, чтобы очутиться в новом кошмаре.

Иногда он становился огромным деревом, старым, высоким, почти засохшим: мутные, вязкие соки не добирались до узловатых ветвей, и вдали уже слышался стук топора. Мику хотелось сбежать от этих ужасных звуков, но пошевелиться не получалось: кряжистые корни срослись с промерзшей твердой землей. Оставалось только стоять, онемев, и ждать, ждать, ждать...

В другие разы он вдруг оказывался огромной птицей, заблудившейся в метель. Глаза слепило от нескончаемого снега, взмахивать отяжелевшими крыльями было все труднее, ветер непрестанно сшибал его куда-то в сторону, и Мик точно понимал, что никогда не долетит куда нужно.

Куда именно – он не знал.

И видения эти резко обрывались, и он оказывался самим собой и даже помнил имя, на которое привык откликаться. Мгла как будто чуть расступалась, и он различал смутные силуэты деревьев и людей среди них, слышал неразборчивый шепот. Мик силился открыть глаза – и тут же оказывался летящим вниз в бездонной темной яме, пахнущей сыростью и гнилой травой.

Или вдруг выяснялось, что он сжимает в руке чью-то ладонь, но абсолютно не понимает, чью именно, ведь уже столько дней он совершенно один.

Или нет?

Кто-то или что-то никак не хотело пускать его дальше.



1010 год от сотворения Свода, 2- й день второго весеннего отрезка Элемента, Высокий Храм

Дарина

Послышалось тихое покашливание, и Дарина чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности. Она была уверена, что осталась в книгохранилище одна.

– Ищешь что-то? – смутно знакомый голос окликнул со спины. – Я могу помочь. Здесь только кажется, что мало места, но книг на самом деле очень много. Но я не путаюсь! Я здесь почти все знаю...

Дарина обернулась. Перед ней стоял Иво, молодой чтящий, провожавший их вчера.

– Привет, – неуверенно поздоровалась Дарина.

При свете дня Иво казался еще более чудаковатым.

– Привет! Ты одна? Без своего далла?

– Он решил остаться... отдохнуть, – язык не поворачивался назвать сырые, выстуженные комнаты «домом».

О том, что Кай счел свой визит в книгохранилище бесполезным, Дарина решила умолчать.

У нее не нашлось сил на этот раз спорить с даллом, и Дарина просто молча выскользнула на улицу. Она быстро разыскала книгохранилище после объяснений Бартена, и дверь действительно не запирали. Внутри оказалось куда приятнее, чем в остальных помещениях: воздух от творений здесь был теплый и сухой, видимо, чтобы бумага не портилась. А еще тут стояла непривычная тишина. И неожиданно здорово оказалось хоть немного побыть одной, без речей Бартена, без тяжелого, полного вины молчания Кая и даже без собственных горечи, злобы и отчаяния. Не хватало сил бесконечно сдерживаться, останавливать себя, не думать о плохом. Здесь же остались только пыль, книги и она сама.

Жаль, совсем недолго.

– Полудня нет, а уже устал? – Иво почесал за ухом. Вид у него в эту секунду сделался совсем блаженный. – Здесь бы он долго не продержался. Так странно, по вам и не скажешь, что вы одной Стихии.

– Он не совсем здоров, – заступилась за Кая Дарина. Требовалось срочно менять тему.

– А, ну да, точно, – щеки Иво порозовели. – Я и забыл. Ну ничего, здесь его обязательно излечат. У нас замечательные целители! Может, самые лучшие в Элементе.

– Кора обещала помочь.

– Ого! – эмоции на лице Иво сменялись так быстро и были такими яркими, что Дарина чуть не рассмеялась. – Кора и меня учила, – зачем-то добавил он. – Так что ты ищешь? Давай помогу?

Дарина замялась.

– Да нет... Я просто... – она нервно осматривала корешки книг, Иво терпеливо ждал ответа. – Тут есть что-нибудь про воздушные механизмы?

– Ну конечно же! Тебе про какие? Есть про корабли, промышленные механизмы, вот тут. – Иво скрылся где-то между высокими полками. – Моя любимая – про механизмы для игрушек. Идешь?

– Иду.

* * *

Дарина поняла, что за окнами темнеет, только когда разобрать без огня строки в книгах стало совсем невозможно.

– Ого, поздно уже как! – она потерла уставшие глаза.

Иво с сомнением посмотрел в окно.

– Ну да, но тут рано темнеет. Все отыскала, что хотела?

«Да если бы», – с тоской подумала Дарина.

– Угу, только прочитать не успела, – она провела рукой по внушительной стопке книг.

Пусть при Иво не получилось найти что-то из того, о чем говорил Бартен, почитать про воздушные механизмы было очень здорово. У Дарины почти ныли пальцы от желания поскорее собрать что-нибудь новое.

– Ну завтра приходи! – Иво добродушно улыбнулся. Дарина опасалась, что он вообще никогда не молчит. Но Иво помог ей с книгами и неожиданно притих, устроившись со своими записями за соседним столом. Время от времени он бормотал что-то себе под нос, но Дарина не прислушивалась. – Я тоже тут буду, как закончу работу у Коршуна!

Она едва сдержала разочарованный вздох.

– Ладно. До завтра тогда?

– А ты на ужин не пойдешь?

Дарина так зачиталась, что и думать забыла о голоде. А ведь нужно было еще разыскать Кору после еды.

– Точно. Извини, мне правда пора. – Не дожидаясь ответа, она выскользнула за дверь, в синий холодный вечер.

Кай сидел там же, где Дарина его оставила, и, казалось, даже не шелохнулся с того момента. Он едва повернул голову на звук открывшейся двери. Все это ужасно напоминало их самые тоскливые дни в Себерии.

– Обнаружила что-нибудь?

– Если бы. – Дарина села рядом и уткнулась лицом в ладони. Она быстро обрисовала Каю ситуацию с Иво и неудачные книжные поиски.

– Не расстраивайся, – Кай протянул руку в ее сторону, но чуть промахнулся, ухватив пустоту. – Едва ли ты отыскала бы что-то вот так легко, в открытом всем книгохранилище. Думаю, Бартен просто хотел нас чем-то занять. Зато про новые механизмы узнала.

– Ага. Давай завтра возьму оттуда что-нибудь с собой и почитаю тебе вслух? Не про воздушную технику, конечно, там еще много всего.

Кай не успел ничего ответить. Дверь вновь открылась, и на пороге появился Бартен. Лицо его искажала неподдельная, чистейшая злоба, во взгляде не осталось ни капли привычной манерности и насмешки.

– Зря мы сюда летели! – он с ненавистью отшвырнул стул, стоявший у него на пути.

Дарина придвинулась поближе к Каю.

– Что такое? – решила спросить она очень тихо.

Бартен с недоумением посмотрел в их сторону. Он тяжело дышал, крепко сжимая кулаки.

– А, вы, – Бартен презрительно хмыкнул. – Пообещать, что ли, Коршуну, что вдвоем разнесете здесь все ураганом и утопите к Праматери, если он продолжит гнуть свое?

– Да что гнуть-то? – спросил Кай.

– Говорящий с ветром был тут. И довольно долгое время, я точно знаю. Коршун же... Впрочем, пришло время уже все рассказать вам, наконец. – Бартен глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. – Про Тесея вы, конечно же, слышали? – Дарина кивнула, но Бартен даже не повернул головы. – Когда-то он подписывал свои письма мятежникам как «поющий ветру».

Это было очень давно, и вроде не одно и то же, но проверить стоило. Последние годы Тесей доживал тут, со своим учеником Эрестом, продолжившим его дело.

– Вы были о таком в курсе? И не сказали Мику? – Дарина ушам своим не верила.

– Орион подтвердил ведь, что это одни только догадки. И что сам поделится с Миком тем, чем сочтет нужным. У нашего отважного воина Огня были дела поважнее – карать всех неугодных, например. Меня бы он в тот день вряд ли уже слушать стал.

– И почему вы думаете, что это имеет смысл? – Кай не казался впечатленным этими догадками. – «Говорящий» и «поющий» совсем ведь не одно и то же.

– Потому что при упоминании имени Тесея Коршун чуть ворот своей рубашки не проглотил. – Бартен совсем не аристократично сплюнул прямо на пол. Дарина поморщилась. – Он убеждает меня, что после истории с Эрестом цензоры вычистили его спальню и перепроверили и увезли все его вещи. Но пускать меня туда отказывается. Как и в комнаты Тесея.

– Ясно, – Кай кивнул. Дарине ясным не казалось в этой истории совсем ничего.

– Правда, что ли, пригрозить... – Бартен с сомнением посмотрел на них двоих. – Завтра решу. Идемте на ужин.

* * *

За общим столом в большой комнате, где вместе ели чтящие и ученики, Бартен вдруг совсем лишился аппетита, то и дело нервно оборачиваясь по сторонам. Дарине казалось, что дело в Коршуне: ей и самой кусок в горло не лез под его суровым и мрачным взглядом. Но настоящая причина беспокойства Бартена открылась сразу после окончания ужина, когда все начали вставать из-за столов.

При виде приближающейся Кора Бартен подскочил так резко, что опрокинул недопитую кружку.

– Ну и что ты на этот раз придумал? – вместо приветствия спросила Кора, встав напротив и уперев руки в бока.

Дарина с затаенной радостью наблюдала за смятением Бартена. Она ткнула Кая локтем, чтобы он тоже посмотрел на эту сцену с помощью Литы. Такое нельзя было пропускать.

– У меня дела, – наконец промямлил Бартен с видом нашкодившего щенка. Дарина так и сидела с открытым ртом. – Очень срочные.

– Прямо уж «очень». Думается, мне так и не удалось вдолбить в твою бестолковую башку хоть каплю разума и наворотишь ты еще бед, – Кора покачала головой. – Мне ты, конечно, ничего не расскажешь?

– Не могу.

– И не слишком хочешь. Ладно, только не жди, что я и на этот раз примчусь разгрести последствия твоих выдумок, – Кора нахмурилась. – Я ведь прекрасно представляю, зачем ты можешь оказаться у Высокого Храма, не такая уж короткая у меня память. И молю Четырех, чтобы ты понимал, что вытворяешь. Ладно, сейчас я тут не за этим. – Она не дала Бартену возможности что-то ответить, переключив внимание на Кая: – Готов?

Кай кивнул. Бартен так и застыл пристыженный, уставившись в пол.

Кора подошла к поднимающемуся из-за стола Каю и положила руки ему на плечи.

– Просто следуй мысленно за мной, ладно? Придется потерпеть.

Кай еще раз кивнул. Дарине сделалось тревожно. Несколько минут Кай и Кора просто стояли друг напротив друга. Щеки Кая побледнели, он закусил нижнюю губу. Кора нахмурилась.

– Так. А теперь давай к делу, – она прикрыла глаза.

Кай побелел еще сильнее, казалось, ему трудно устоять на ногах. Дарина уже открыла рот, чтобы вмешаться, но Кора опередила ее.

– Успокойся, ничего я с ним не сделаю, – пробормотала она. – Я правда пытаюсь помочь.
– Получается? – Дарина заметила, как Кай крепко стиснул зубы.

– Много времени прошло, сложно будет. – Кора убрала ладони и отвернулась. Кай облегченно выдохнул. – Но стоит попробовать. Может, ему будет хватать сил видеть хоть какую-то часть времени. Но придется потерпеть.

– Долго? – Дарина задала вопрос прежде самого Кая.

Кора покачала головой.

– Не знаю. Хватит на сегодня.

– Слава Стихии, – Кай тяжело опустился на стоявший рядом стул.

– Мне пора к ученикам. – Кора легко дотронулась до плеча Кая: – Я представляю, как это нелегко. Но раз уж вы сюда добрались... Впрочем, тебе самому решать. Приходи завтра, если хочешь.

– Спасибо. Я приду.

– Вот и славно. – Кора нахмурила лоб и осмотрелась по сторонам. Юные чтящие сдвинули к стенам все столы и стулья, как, похоже, делали каждый вечер, и теперь с криками носились по обеденной комнате. Где-то среди них была и радостная Лита, едва ли за весь вечер дольше минуты задержавшаяся рядом с Дариной и Каем. – Мне пора умирять это племя, пока здесь хотя бы стены целы.

Будто в ответ через мгновение послышался треск ломаемой мебели, звук удара, взрыв хохота и – в ту же секунду – громкий крик Кору. Днем здесь стояла тишина, но вечером от непривычного шума сразу же начинала болеть голова. Дарине то и дело казалось, что она видит бесконечный сон или, наоборот, проснулась в какой-то чужой жизни. Горы, Высокий Храм, незнакомые дома, книгохранилище, детский смех, которого она не слышала, кажется, целую вечность, – Предел, Себерия и война остались где-то невозможно далеко, словно и не существовали никогда.

– Вернемся к нам? Или хочешь еще тут побыть? – вопрос Кая вывел Дарину из задумчивости. Она с силой потерла глаза и улыбнулась.

– Нет, здесь больше делать нечего. Может, Бартен успокоился и еще что-то нам расскажет.

«Нельзя же просто сидеть тут и ждать, пока все закончится», – мысленно добавила Дарина.

«Я не назвал бы сегодняшний вечер простым сидением».

«Прости. Пойдем отдыхать».

Они вышли в прохладный ясный вечер. В небе, по-весеннему прозрачном, загорались первые звезды.

– Как ты думаешь, у... – Дарина едва не произнесла вслух имена Мика и Рут, но вовремя осеклась. – У них двоих получится?

Кай сразу понял, о ком она.

– Сложно сказать. Но тот, о ком ты говоришь, точно бы порадовался сегодняшнему вечеру. Оказывается, и на Бартена есть управа.

– Пусть бы Кора и тебе помогла. – Дарина задрала голову. Когда-то Трой учил ее созвездиям, но здесь не было ни одного знакомого. – Хоть что-то будет не зря. Мне так хочется, чтобы ты сам увидел, какая тут красота.

Дарина как раз рассказывала Каю, что завтра надо обязательно попытаться добраться до Высокого Храма, хоть снаружи на него посмотреть поближе, когда кто-то резко вылетел на них из-за угла. От неожиданности Дарина вскрикнула, Кай тут же вскинул руки, и чуть правее от них в небо взвился снежный вихрь.

Иво присвистнул.

– Да я это, я! Вы чего? – Он посмотрел на столп из мелкого льда и мокрого снега. – Вот это вы умеете!

– Ты нас напугал, – Дарина опустила ладонь Каю на предплечье. Вихрь утих. – Выскочил внезапно.

– Да тут самое безопасное место во всем мире, чего можно бояться?! – Иво смущенно надулся. – Я не подумал даже.

– Заметно, – пробурчал под нос Кай.

Иво еще сильнее нахохлился.

– Я вас специально искал. Хотел завтра позвать показать Высокий Храм.

– Ты что, подслушивал? – Дарине и без того хватило целого дня в книгохранилище в обществе Иво, терпения для его чудачеств почти не осталось.

– Ну, если только совсем чуть-чуть, – он сконфуженно почесал в затылке. – Вы громко говорили!

– Поверь, это делалось не специально для тебя, – отрезал Кай.

– Спокойной ночи, Иво. – Дарина решительно зашагала прочь.

«Правда блаженный, честное слово».

«Или нет, – Кай казался задумчивым. – Он же Коршуну прислуживает, помнишь?»

1010 год от сотворения Свода, 10- й день второго весеннего отрезка Себерия, путь к Чаше Леса

Лайм

Мальчик что-то сказал, и все зверозубы, кроме того, что стоял ближе остальных к Лайму, вновь скрылись среди деревьев. Словно превратились в снег и мглу, притаившуюся между ветвей.

Мальчик, улыбаясь, посмотрел на Лайма и поманил его за собой.

За спиной оставались долгие дни одинокого пути, бескрайний лес и отчаяние. Сгущалась тьма, и выползал ночной холод. Впереди была протянутая рука и робкая надежда на то, что Лайм все-таки нашел, что искал.

Ну, или верную смерть.

Он сделал шаг вперед. Мальчик одобрительно кивнул и начал что-то объяснять.

– Идем, – скорее себе, чем ему сказал Лайм. – Куда бы ты меня ни вел, здорово было бы очутиться там пораньше. – И добавил на себерийском: – Прямо. Шаг.

– Шаг! – мальчик захлопал в ладоши.

Он шел легко, будто гулял по летней поляне, а не брел по заснеженной чаще. Нимало не заботясь о том, понимает его Лайм или нет, мальчик без умолку что-то рассказывал, объяснял, даже как будто спорил о чем-то со зверозубом, ступавшим рядом.

Лайм в жизни бы не поверил, что так бывает, если бы не увидел своими глазами, но тропинка словно сама появлялась под ногами. Мальчик и по сторонам-то почти не смотрел, но на пути им не встретилось ни одной преграды, даже огромный трухлявый пенёк будто чуть отполз, чтобы не мешать. Лайм заморгал, решив, что виноваты заслезившиеся глаза. В другой раз толстые стволы деревьев отклонились вбок, как прутья на ветру. Лайм только охнул, вызвав очередную вспышку веселья у мальчика. Для него такие прогулки, похоже, обычное дело.

В узком месте тропы у большого оврага мальчик вдруг остановился и зашептал что-то себе под нос. Лайму показалось, что это были слова благодарности, он даже различил что-то похожее на «Яха-Ола», но сказать наверняка было сложно.

Холодало, и вместе с морозом под кожу забиралось странное тепло, будто кто-то вдруг накинул на плечи невидимое покрывало. Лайму уже едва хватало сил удивляться еще и этому. Очевидно, когда оказываешься в древней легенде, удивляться вообще ничему не стоит.

Лайм сам не понял, как они очутились в этом поселении. Вроде бы только прикрыл на секунду глаза, чтобы сморгнуть набежавшие слезы, – и вот уже стоит тут. Проще поверить, что от усталости он упал и заснул, замерз почти до смерти и теперь видит свой последний в жизни, самый яркий сон.

Лес кольцом обступал большую круглую поляну, освещенную кострами. Лайму впервые за долгое время мгновенно сделалось жарко, хотя огонь все еще был довольно далеко. Множество людей на поляне стояли или сидели вокруг костров прямо на шкурах, кинутых на снег. Как и новый знакомый Лайма, каждый из них преступно легко оделся, но они совсем не казались замерзшими и изможденными. Наоборот, все в них так и говорило о недюжинной физической силе и крепком здоровье. Вокруг ощущалось столько Стихии, сколько Лайм никогда не чувствовал даже в Пределе, но он не видел, чтобы кто-то из этих людей творил. Они занимались своими делами: готовили пищу, играли с детьми, чинили одежду, громко переговарива-

лись друг с другом. Тут и там на поляне спали огромные раскормленные зверозубы. На вновь пришедших никто не обращал внимания.

Сперва Лайму показалось, что он не видит ни одного жилища и это всего лишь какой-то временный лагерь. Но стоило получше приглядеться к просто необъятным деревьям вокруг поляны, и от удивления Лайм даже вновь потерял глаза – еще раз убедиться, не сон ли это. В каждом стволе у земли была аккуратная полукруглая расщелина – проход внутрь. Но сами деревья при этом, без сомнения, не умерли: Лайм чувствовал, как по ветвям медленно текла загустевшая от мороза жизнь. Кора не обрывалась у расщелины, и древесина нигде не обнажалась – просто как будто сами стволы решили расти вот так прихотливо, огибая пустоту внутри себя, чтобы дать кому-то приют.

Одна из женщин, низкорослая и плотная, прижимавшая к себе спящего младенца, наконец заметила Лайма и мальчика. Она громко охнула, повернулась и стала звать кого-то. Разбуженный ребенок недовольно захныкал.

Другая женщина, чистившая коренья у дальнего костра, обернулась на этот зов, подскочила и направилась к ним.

– Мама! – мальчик бросился женщине навстречу. Лайм невольно улыбнулся. Некоторые слова на всех языках звучат одинаково.

Мальчик обнял женщину и стал что-то быстро-быстро объяснять, указывая на Лайма.

Та всплеснула руками и посмотрела на мальчика. Лайм хорошо знал этот взгляд: так всякий раз смотрела и его мать, когда он сам или его брат приходили домой в порванной одежде, с разбитыми коленями или же приводили с собой очередную блохастую голодную дворнягу.

К некоторым взглядам вообще не нужны никакие слова ни на одном из языков.

Женщина отстранила от себя мальчика и направилась к Лайму, по пути что-то громко говоря остальным людям у костров. Мальчик шел следом за женщиной и продолжал что-то сбивчиво ей объяснять, указывая на зверозубов.

Лайм не сдвинулся с места, только вновь протянул вперед раскрытые ладони, над которыми загорелся зеленый свет. Женщина встала напротив и покачала головой. Лайм пытался подобрать нужные слова хотя бы на себерийском.

– Война, – он указал себе за спину, надеясь, что его поймут правильно. – Помощь.

Женщина сощурила глаза. Развернулась и пошла в сторону одного из домов-стволов. Сделав несколько шагов, она обернулась и жестом поманила Лайма за собой.

Чувствуя на себе десятки пристальных взглядов, Лайм шагнул следом.

* * *

Внутри дерева оказалось столько Стихий, что у Лайма закружилась голова. Полумрак вокруг был плотным, бархатисто-теплым, пахнущим травами и дымом. Привыкнув к нему, Лайм начал различать обстановку этого невероятного жилища: неожиданно высокий деревянный свод над головой, стены, покрытые морщинистой корой – в ее складках хранились высушенные пучки растений, связки перьев и даже небольшие глиняные чаши. Лайм не сразу понял, что дверной проем – не единственный источник света здесь, и не смог сдержать удивленного вздоха, когда запрокинул голову. Под потолком копошились, ползая и перелетая с места на место, десятки крупных жуков, излучающих свечение, подобно очень крупным светлячкам. До людей внизу им, похоже, не было никакого дела.

Пол устлали шкуры, в углу, на одной из них, сидел, сгорбившись, немолодой мужчина. Заметив вошедших, он тут же подскочил и направился к ним.

Женщина, сопровождавшая Лайма, первым делом горячо обняла хозяина жилища – Лайм даже успел смутиться оттого, что стал этому невольным свидетелем, – потом указала в

сторону Лайма и принялась что-то быстро-быстро говорить. Мужчина мельком взглянул на него. И произнес слово – короткое, тяжелое, решительное.

Женщина отшатнулась. Начала было, кажется, возражать и переубеждать своего собеседника, но он резко поднял одну ладонь – и женщина замолчала. Лайм, от волнения едва помня, как дышать, следил за этим странным спором.

Мужчина повторил слово. Женщина склонила голову.

– Иди, – вдруг сказал мужчина на чистом, без малейшего акцента, имперском. – Иди сюда, ко мне.

1010 год от сотворения Свода, 10- й день второго весеннего отрезка Себерия, Высокий Храм

Дарина

– Ну наконец-то что-то поприятнее созерцания собственной кислой мины с высоты шага от пола, – Кай улыбнулся, глядя Дарине в глаза. Она и забыла, когда в последний раз так сильно радовалась чему-то.

Лита, сидевшая у Дарины на коленях, обиженно фыркнула.

– Ну прости, – примирительно добавил Кай, обращаясь уже к ней. – Я не прав. Ты очень помогала. Ты умница.

Лита, зардевшись, закивала головой. С последним она, очевидно, была совершенно согласна.

Дарина вновь встретила с Каем взглядом и рассмеялась. Лита, окрепшая за время их пребывания у Высокого Храма, теперь всегда чистенькая и опрятная, сделалась гораздо спокойнее и веселее. И Кай смог наконец хоть немного видеть сам. Хвала Стихии, они все же не зря оказались тут. Дарина искренне благодарила Четых за этот вечер.

– Зрение скоро опять исчезнет, – предостерегла Кора, обращаясь к Каю. – Но с каждым днем, если не оставишь попыток, будет получаться видеть все дольше.

– Как ради такого не попытаться, – вновь улыбнулся Кай.

После этих встреч с Корой Кай казался Дарине бледным и изможденным, но сразу было понятно: теперь он точно и не подумает отступить.

– Ну и отлично, а теперь пора отдыхать. Дети! – повернувшись, позвала Кора, перекрывая шум в комнате.

Дарина, все еще не привыкшая к тому, насколько громким может быть Корин голос, от неожиданности вскочила с места, едва не уронив Литу. Кай хмыкнул.

– Что? – пробурчала Дарина.

– Громкие звуки страшнее, чем, например, бросаться втайне от всех в Водные тюрьмы? – Кай, кажется, заметил, что она насупилась еще больше, и тут же примирительно добавил: – Ох, ладно тебе, ну теперь и ты дуться будешь? Могу тоже назвать умницей и высоко оценить твою помощь, мне не трудно.

– Ну тебя. – Дарина склонилась к Лите и погладила ее по голове на прощание. Кора уже ждала, стоя в дверях. – От Бартена нахватался?

– Убереги меня Стихия от такого.

Вскоре в столовой не осталось никого, кроме Дарины и Кая.

– Как думаешь, долго еще сможешь видеть? – спросила она, как только за последним учеником захлопнулась дверь.

– Ты хочешь прямо сегодня туда идти?

Дарина и не сомневалась, что Кай сразу поймет, о чем речь. Все эти дни он из какого-то странного упрямства отказывался, вопреки всем уговорам, посетить Высокий Храм. Навязчивой компании Иво Кай всячески избегал, как и помощи Литы, ссылаясь на обещания Кору, что скоро и сам сможет видеть.

И вот наступил вечер, когда причин увиливать не осталось. Дарине, уже побывавшей там с Иво, просто не терпелось показать Каю Храм.

– Тут рядом. И, Иво говорил, его никогда не запирают от посетителей.

При упоминании служки Коршуна Кай поморщился.

– Вот уж к чьим словам я бы точно не спешил прислушиваться. Я немного устал, Дар, никакой охоты сейчас туда карабкаться, честно.

– Ну пожалуйста, – умоляюще сказала Дарина. – Сегодня звездная ночь, там должно быть просто невероятно!

– Дар... – Кай хотел было еще что-то возразить, но, взглянув на Дарину, осекся. – Только быстро, ладно? Я все равно скоро перестану видеть. И поздно уже.

– Конечно. – Дарина, забывшись, что он может идти сам, по привычке схватила Кая за руку. – Идем скорее!

Она едва заметила, как сильно от быстрой ходьбы в гору сбилось дыхание: главное, чтобы Храм действительно оказался открыт. Дарина уже немного успела привыкнуть к тому, что чтящие и ученики жили здесь словно в каком-то ином мире: не страшась ничего, не запирая дверей, почти не думая о войне, бунтах, цензорах. Один только Коршун, черневший лицом при виде них, и Бартен, которого они встречали обычно под вечер, угрюмый и язвительный, напоминали о том, что жизнь за пределами окрестностей Храма все-таки была совсем другой.

Дарина даже себе с трудом признавалась, как мало и ей хотелось рассуждать обо всех этих вещах. Впервые за долгие месяцы им удавалось досыта есть и крепко спать, не страшась быть убитыми во сне. Неубедительно оправдывая себя попытками разобраться, она пропадала днями в книгохранилище или же утаскивала Кая вместе бродить по округе. Они подолгу молча шли по раскисшим весенним тропам, подставляя лица теплым лучам, и Дарине казалось после этих прогулок, что она вся до краев полнится светом и Воздухом.

Сегодня же ночью от одной мысли посмотреть на Храм в звездном свете сердце у нее начинало биться чаще.

– Еще видишь? – спросила Дарина, прежде чем толкнуть тяжелую деревянную дверь.

– Вижу, – кивнул Кай. – Вот прямо сейчас вижу, что тебя опять куда-то понесло, да еще среди ночи, вместо того чтобы спать.

Дарина пропустила его слова мимо ушей и первой шагнула внутрь.

Стены Храма, стоящего почти у самого обрыва, сплошь состояли из стрельчатых окон от пола до потолка. Здесь не было даже изображений Четырех, в большом пустом зале стояло всего две скульптуры. Одна, в человеческий рост, воплощала Воздух – простертые в благословении руки, пряди, растрепанные порывом ветра. Вокруг нее горели светильники со стихийным огнем. И, гораздо меньше, в углу у входа – маленький памятник Саге, мастеру, по легенде придумавшей первый воздушный механизм.

В огромные окна тысячью звезд заглядывала ночь – темно-синим и крохотными пронзительными вспышками белого. Небо из далекого вдруг сделалось таким невыносимо близким и невероятным, что в груди защемило.

– Ох! – Дарина догадывалась, что за зрелище их ждет, но все равно восхищенно вздохнула. Она повернулась к Каю, застывшему в дверях. – Я же говорила!

– Да... – Кай осторожно шагнул вперед. – Зря я тянул и спорил. Ну, зато увидел сам. – Улыбнувшись, он запрокинул лицо: прямо над ними светила огромная бледно-желтая луна. – Жаль, у меня закончилась бумага для акваппарата.

– Такое все равно не забудешь, – Дарина подошла к статуе.

– Да уж. Верить, нет, читал где-то, что Водные тюрьмы и этот Храм изначально придумали одни и те же люди.

– Тоже встречала, – кивнула Дарина, обходя статую вокруг. Что-то в ней не давало покоя. – Но в голове, если честно, не укладывается. Повезло нам здесь оказаться, да? – Дарина повернулась к Каю, все еще стоявшему у дверей. – Эта красота. Твое зрение. Лите тут хорошо...

– Ну, можно, наверно, это назвать и везением, да.

Дарина протянула Каю руку:

– Иди сюда.

Раздавшийся зов был такой силы, что у Дарины заложило уши и потемнело в глазах и пришлось ухватиться за холодную каменную статую, чтобы не упасть. Это длилось всего миг, но в нем успел стуситься невыносимый гул множества голосов. Словно на тысяче незнакомых языков одновременно звали ее – Дарину – по имени.

– Что такое? – встревоженный Кай уже стоял напротив, поддерживая ее под локоть. Дарина не заметила, как он успел подойти.

– Ты не слышал? – невозможно было поверить, что этот крик мог остаться незамеченным.

– Не слышал что? Ты белая, как снег.

– Даже и не знаю, как объяснить, – Дарина провела рукой по лбу, покрывшемуся холодной испариной. – Кто-то звал меня. Очень громко. И будто на многих языках.

– Нет, Дар. Разве что мысленно, но даже представить не могу, кому это могло понадобиться. Тут было очень тихо.

– Да что же тогда такое... – липкое ощущение накатывающего безумия было похоже на тошноту.

– Наверное, ты слишком устала? Или заболела. У тебя жар? – заволновался Кай.

– От чего устала, Кай? От чересчур хорошего сна и сидения за книгами в свое удовольствие? – Дарина пыталась собраться с мыслями, но в ушах все еще стоял жуткий гул. – Я здорова. И в своем уме. Кажется.

– Ты меня пугаешь. Пойдем обратно.

* * *

– Я точно что-то слышала тогда, в Храме, – Дарина решилась вновь заговорить об этом несколько дней спустя.

Они с Каем сидели на нагретом лучами холме – южная его сторона уже покрылась молодыми ростками, земля под ними была сухой и теплой. Безделье ощущалось одновременно и тягостным, и до дрожи приятным.

– Что-то же это было, – Дарина опустила локти на согнутые колени. – Не с ума же я схожу.

– Ну, выглядела ты тогда совсем неважно. И даже если что-то и было, Дар, что мы теперь можем сделать?

– Да мы вообще тут ничего не делаем, – угрюмо пробормотала в ответ Дарина.

– Да уж, и как только сил нам достает справиться с таким тяжким испытанием? – Кай лениво вытянулся на траве, беспечно заложив руки под голову и подставив лицо солнцу.

– Тебя, похоже, все устраивает.

– А почему нет? Это Мик у нас правдолюбец и вершитель революций, и то вроде бы не слишком по своей воле. А я никогда ни на что такое не подписывался. Что нас там ждет, Дар? Война, в которой мы уже однажды чудом выжили? Цензоры, которые даже до Водных тюрем не станут пытаться нас дотащить, а убьют прямо на месте? Бунты, с которыми совершенно не понятно, кто может к власти прийти? Есть ведь и шанс, что Аврум всем еще сладким сном покажется. Мне лично ничего из этого не нравится.

Дарина ушам своим не верила.

– Но ты же сражался там... И хотел вернуться.

– А здесь и не с кем сражаться, так? Бартен нас в свои планы не спешит посвящать. Я бы действительно хотел вернуться в Себерию. – Кай жмурился на свету. Дарина видела, что на его коже уже проступил первый, едва заметный загар. – Но если так никогда и не смогу – я все же заслужил такую участь. И даже больше.

– Знаешь, если б я тогда послушала тебя с театром, – Дарина тысячу раз за последние недели думала об этом, но произнесла вслух только теперь, – случившихся бед тоже ведь не было бы.

– Да брось. Майя бы нашла способ, уж поверь мне: она бы не отступилась. И вот что еще прекрасно в нашем нахождении тут – о нем никто, надеюсь, и не подозревает.

– Но... – Дарина сама не понимала, за что так сильно осуждает сейчас Кая. В его словах определенно было много разумного. – До скончания времен теперь, что ли, здесь оставаться?

– А даже если и так? Ну вот скажи честно, разве тебе не хочется, чтобы все от нас наконец отстали? Неужели нам мало досталось?

Дарина повернулась к Каю. За последнее время он сделался крепче, спокойнее, тверже. В минуты, когда Каю вновь удавалось видеть, он выглядел по-настоящему довольным. Дарина представила вдруг, каково бы это правда было – проживать здесь вместе день за днем, месяц за месяцем. Им бы, наверно, нашлось дело, например, помогать Коре и остальным учить будущих чтящих. Или Дарина стала бы мастерить что-нибудь. Может, о них бы и правда все забыли, такая прекрасная ошибка – целый мир, которому больше нет дела. И Бартен вдруг каким-то чудом бы успокоился. Или улетел бы в Предел, туда ему и дорога... С годами бы притупилась и сама память, и та боль, которую она причиняла. Всё – и Флам с семьей, и Водные тюрьмы, и Себерия – сделалось бы одной лишь бесконечно печальной историей.

Дарина знала почему-то, что ничему из этого все равно никогда не суждено сбыться. Может, именно поэтому, глядя на Кая, она так легко дала волю воображению и представила отметины, которые время оставит в облике далла. Трой, отец Флама, с возрастом отпустил бороду, и Дарина все детство считала ее обязательной чертой зрелости, но вот Кая с ней сейчас почему-то вообразить не могла. Зато очень хорошо видела другие перемены во внешности: первую седину в темных волосах, ссутулившиеся плечи, морщины на лбу – он ведь часто хмурился. Взгляд, становящийся все прозрачнее и спокойнее, упрямо сжатый рот, заостренные временем черты – подбородок, нос, скулы. И как она сама годами наблюдает за этими изменениями, бесконечно вращаясь в них, переплетаясь корнями, становясь чем-то одним. И пусть Стихия истинных творений, оставшаяся без дела, по капле покидала бы их обоих – здесь ей в любом случае не нашлось бы места.

Как Кай с годами ворчит все больше и больше или без конца погружается в недовольное молчание, становясь порой совершенно невыносимым стариком, представить тоже оказалось очень легко.

Дарина тихо рассмеялась.

– Что такое? – спросил Кай, повернувшись к ней.

– Вообразила тебя старым.

– Вот это фантазия! И как впечатления?

– Неоднозначные, – весело призналась Дарина.

– Так я и думал, – Кай улыбался. – И что только у тебя в голове творится?

Дарина вытянулась рядом, тоже подставляя лицо весеннему солнцу. Завтра нос и щеки усыпят новые веснушки.

– Глупости всякие, – ответила она, закрывая глаза.

Кай помолчал, но потом вдруг тоже расхохотался.

– Теперь-то что? – Дарину уже начинала одолевать ленивая дрема. Проспать бы сейчас вот так – до самого окончания войны, мятежей, преследований...

– Да представил вот, как одну не в меру резвую рыжую старушку снимают всем поселением с крыши Высокого Храма. И даже могу вообразить, как она туда забралась. Очень, знаешь ли, живая и правдоподобная картинка получилась.

– Ерунда какая! – Дарина изо всех сил пыталась казаться возмущенной, чтобы не смеяться вновь. – И что, часто о таком думаешь?

Вместо ответа Кай сжал ее ладонь в своей.

Сквозь прикрытые веки просачивался мягкий вечерний свет, добрый и нежный. Некоторым моментам вот и правда длиться и длиться бы – хоть целую вечность.

1010 год от сотворения Свода, 10- й день второго весеннего отрезка Себерия, путь к Чаше Леса

Лайм

Лайм не сразу понял, что руки кажутся такими липкими от собственной крови. Это было странно: он совсем не чувствовал боли и не помнил, где успел пораниться. Голос целителя в нем говорил, что нужно срочно найти рану и попытаться остановить кровь, пока не поздно. Но Лайм просто не мог заставить себя заняться этим.

Он лежал на спине и смотрел на высокий свод потолка, напоминавший звездное небо: там копошились и порхали эти невероятные светящиеся создания. До Лайма им не было никакого дела.

Кажется, больше тут совсем никого. Лайм прикрыл глаза, ощущая, какими тяжелыми сделались веки, как влекла его эта темнота и возможность отдохнуть. Тело стало слабым и непослушным, в голове гудело.

Он попытался воспроизвести свой сон о большой поляне и кострах на ней. Что-то тревожило и манило в этом видении, какая-то подсказка, ответ на незаданный вопрос, но сознание все время ускользало, и сосредоточиться не получалось. Лайм глубоко вздохнул и тут же охнул от боли.

Все-таки ранен. Он на секунду задумался, что нужно сделать, чтобы помочь себе и постараться сберечь силы, но не смог удержать и эту мысль тоже.

Костры на поляне, кажется, пахли дымом, но не таким, как тут: в этой странной комнате стояло марево от сожженных трав и тяжелый, влажный запах шкур. Эти запахи были лучше сырого затхлого духа тюремных камер, где Лайм когда-то провел немыслимо много дней. Сейчас он точно не там, в этом не оставалось сомнений. Но почему тогда никак не получается творить? Что это за место? Его привел сюда за руку этот человек с жестким лицом, он понимал его, знал язык Лайма, но не хотел говорить. Вместо этого он...

Ох. Лайм с трудом поднял руку и ощупал левый бок. Тепло, мокро и больно.

Возможно, происходящее не было сном.

Мысли путались. Мальчик в лесу и стая зверозубов. А еще раньше – бесконечная дорога, по которой он шел один, все время один. Совсем как сейчас.

Быть может, он и теперь по-прежнему на этой тропе? Просто устал, прилег отдохнуть и видит бесконечный дурной сон. Или у него жар. Жаль, что спросить об этом снова некого.

А может, это уже и конец. Все осталось позади, а теперь вот даже боль исчезла.

Ничего нет.

Лайму вдруг до слез захотелось, чтобы кто-нибудь очутился рядом. Провел рукой по волосам, утешил, промыл и залечил рану. Как так вышло, что он сам помог стольким, а теперь оказался совсем один?

Лайм зажмурился. И сделал то, что делал с самого детства, когда ему становилось плохо, больно или страшно. Он совсем тихо мысленно позвал Рут – так, будто их связь еще могла существовать.

...В этом сне она находилась очень далеко – в самом конце пути, идти пришлось бы долго, а метель делалась злее и злее. Добраться до Рут оказалось невозможно, дорога словно удлинялась, и совсем не осталось сил. Время почему-то поджимало, с каждым мигмом вокруг делалось все темнее. Лайм, как это бывает в снах, хоть и не двигался с места, но видел стояв-

шую полубоком Рут совсем близко и точно такой, как в день их прощания, – потерянной и печальной, отчаянно пытающейся храбриться. Она повернулась к Лайму, и он едва не закричал от ее взгляда – такая в нем жила бездонная чернота.

Рут снова отвернулась.

Лайм попытался что-то сказать, но это была уже не Рут. Кто-то другой, бесконечно знакомый и настолько же чужой, улыбаясь, смотрел прямо ему в душу. Лайм вновь попытался заговорить, но все слова куда-то делись.

– Так это тебя я все время звала? Вот кто мне сейчас снится, – незнакомка обращалась к нему, но говорила куда-то в сторону. – Но тогда мне виделся некто иной. Ты мне, пожалуй, нужнее. Давай, вставай.

Она протянула ладонь. Лайм вдруг понял, что очутился в самом конце заснеженной дороги, но Рут тут же пропала. Он ощутил что-то в своей руке и опустил взгляд.

Слабое тепло Стихии согревало ладонь. Лайм вспомнил, что уже пытался творить, но так и не смог. Или это тоже был сон?

– Зачем-то же ты пришел сюда, да? – голос Рут звучал за спиной, звонкий и дрожащий от волнения. Лайм почему-то знал: стоит ему повернуться – она исчезнет. – Зачем-то же ты тут? Значит, в этом есть смысл, правда? Смысл идти дальше? Пожалуйста, постарайся вспомнить. Пожалуйста.

Лайм открыл глаза. Насекомые под потолком светили еще ярче, смотреть на них стало почти больно. Из дверного проема тянуло холодом, а лицо щекотало мехом шкуры, на которой он лежал. Где-то далеко слышались голоса и смех.

Лайм с обреченной ясностью понял, что не спит. В эту же секунду бок обожгло болью, словно рана только что возникла.

Слабость и головокружение тоже были настоящими. Лайм собрал остатки сил и хотел было последний раз попытаться призвать Стихию, но понял вдруг, что зеленоватое свечение в его руках появилось еще до пробуждения.

Станный жест незнакомки в конце заснеженной дороги, будто даровавшей ему творение.

Лайм до рези в глазах зажмурился и задержал дыхание. Это будет непросто, но Рут права. Зачем-то же он сюда дошел, значит, и следующий шаг стоило сделать. И еще один. Путь пока не окончен.

Исцелять Лайм умел хорошо. И больше не медлил.

1010 год от сотворения Свода, 10- й день второго весеннего отрезка Себерия, Безымянный Край

Мирра

– Вот, – Мирра опустила на стол корзинку, до краев полную крупных темно-алых ягод. – Насобирала и для вас тоже. Дая была права: стоит только снег подтопить, и их просто целые поляны.

– Спасибо, – Орион улыбнулся. – Спасибо, что вспомнила обо мне. Останешься ненадолго? У меня есть немного трав. Я сейчас согрею воды.

– Сидите, я сама справлюсь.

Мирра ощущала на себе взгляд Ориона все время, пока она набирала воду, грела ее с помощью простого творения и добавляла туда травы.

– Спасибо большое. Интересно, да? – Орион подслеповато шурился, глядя на свою выщербленную чашку. – Воду можно согреть творением Огня. А можно, как ты сейчас, Водной Стихией. Один и тот же результат, но разный процесс, такое простое и красивое переплетение двух Стихий... Каким преступлением было их разлучать.

Вместо ответа Мирра осторожно сделала глоток. Отвар чуть горчил и не успел как следует настояться, на язык попала маленькая травинка.

– Мастерá одинаково хороши во всех Стихиях, – продолжал Орион. – И одинаково слабы. Забавно, что никто столько лет не задумывался об этом, правда? Вот они мы, прямо под носом. Сильные оттого, что Стихия в нас не разделена. И беспомощные оттого, что не можем ее ни с кем разделить. Удивительно, что почти всегда находится откуда это Стихию черпать, хотя бы и издалека. Вскипятить стакан воды нам, может, и под силу, но что-то большее...

– Рику хорошо удавалось согревать воду, – перебила Мирра, оторвав взгляд от чашки. – Куда лучше, чем мне. Мастерá, обучавшие нас, говорили, что ему под силу и целое озеро вскипятить, стоит только постараться... У меня никогда так не получалось. Даже сегодня вот. Замочила всю одежду, пока топила этот проклятый снег. Надо было просто расчистить, да и все. Но так и ягоды тоже отрываются со стеблей...

– Мирра, – Орион протянул было руку к стоявшей перед ним корзине, но, передумав, опустил обратно на стол, – ты ведь все равно не будешь слушать никаких слов утешения, да?

Мирра решительно покачала головой, глядя на него исподлобья.

– Мне не нужны слова. Я хочу обойти каждый дом в Элементе, чтобы найти его. Чтобы придумать, что можно сделать. Чтобы перепробовать все, прежде чем убедиться в напрасности. Я не поверю ни одному слову, пока не пройду до самого конца, понимаете? Но вместо этого я тут. Собираю ягоды, – она с ненавистью посмотрела на корзинку.

– Мик...

– Мик ушел, следуя своим безумным идеям, и может никогда не вернуться. Вы не останавливали его. Неужели нам правда не на что больше надеяться, кроме как на его бредовые фантазии?

– Мирра, милая, – от того, каким тоном Орион произнес это, у Мирры моментально защипало в глазах. Она спрятала в ладонях покрасневшие щеки. Человек, сидевший перед ней, был стар, слаб и измучен событиями прошедших месяцев. И меньше всего заслуживал ее нападок. – Если ты говоришь именно о надежде – то она порой имеет очень мало общего с

реальностью, не замечала? Она нужна нам самим, а не окружающему миру. Я не вправе тебе указывать, на что можно надеяться, а на что нет.

– Конечно, – Мирра быстро провела рукой по лицу. – Конечно, нет.

– Я не пошел с Миком, потому что в этом пути ему мешал бы слабый, больной старик. И потому что уже научил его всему, чему только мог. Но это не значит, что я не хотел бы сейчас оказаться с ним, где бы они с Рут ни были. Ты можешь собирать ягоды и знать, что Мик обязательно найдет то, что ищет, и вернется к нам, и мы придумаем способ вновь вступить в бой и отыскать Рика. А можешь собирать ягоды с твердой уверенностью, что нас уцелело всего ничего, и в Элементе всех нас, скорее всего, ждет гибель, и мы беспомощны перед этим. Но ты, конечно, права. Пока все, что нам остается, – собирать ягоды.

Орион взял наконец одну из корзины и с улыбкой отправил в рот.

– Я знаю Мика, сколько себя помню. Он не сдастся, – сказала Мирра. – Никогда не отступал от своего. Сколько раз мы из-за этого ссорились!

– Да, ты тоже не из тех, кого легко переубедить. Значит, нужно ждать и копить силы, правда?

– Правда. А потом уничтожить солдат Аврума. Сжечь дотла, утопить, растоптать каждого, кто повинен в том, что случилось с Риком... – Мирра не сразу заметила, как от ярости сбилось дыхание.

Теперь Орион смотрел на нее с сочувствием.

– Столько смертей случилось. И невинных людей пострадало. И здесь, и в Элементе. Они гибнут ни за что. Я понимаю, почему тебе так хочется отомстить. Но там, где можно не проливать кровь, – лучше бы ей не проливаться. В революциях сражаются за лучшую жизнь, а погибают, так и не увидев ее. Умирают дети, Мирра. Старики. Женщины. Совсем не те, кто должен бы нести ответ. Война всегда ужасна, за что бы она там ни велась.

Мирра вновь почувствовала, как заливается румянцем. Она нащупала через рубашку тонкую цепочку, на которой все еще висел брачный кулон.

– Я просто ненавижу тех, кто сделал это с ним. Тех, из-за кого он сейчас совершает ужасные вещи, не помня себя самого. Это не мой Рик.

«Если он вообще жив», – про себя добавила Мирра, но не посмела произнести вслух.

– Я знаю.

Мирра сделала новый глоток. Отвар стал совсем горьким, так, что вязало во рту.

Она посидела с Орионом еще немного, разговаривая о пустяках: приближавшемся тепле, прохудившейся от снега крыше, травах, помогавших Дае лечить простуду, которой сейчас болел здесь каждый второй. Но за дружелюбной улыбкой Ориона все больше проступала усталость, он начал путаться в словах, и Мирра поспешила попрощаться.

На крыльце дома, который Орион делил с другими обитателями, Мирра ненадолго задержалась. Вечер был уже почти по-весеннему теплый и сырой, где-то вдали слышалась громкая трель незнакомой птицы. «О приближающемся лете поют», – говорил в детстве в такие секунды отец Рика. Добряк и шутник, никогда не умевший быть с ними по-настоящему строгим... Нет, она не будет думать об этом сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.